

отражение ЭЖУР в

Отражение в луже

Скачать: [reflection.pdf](#), [reflection.epub](#)

I

Первым по-настоящему прохладным днём сентября официант Али передал трём сидящим на веранде посетителям, что они могут оставаться в заведении столько, сколько им необходимо. «Это патрон так сказал. Пользуйтесь вай-фаем» — добавил Али. Посетители кивнули патрону, с трудом выговорили «тешеккюр эдерим». Патрон то ли притворился, что не заметил благодарности, то ли действительно засмотрелся на то, как официанты сервируют заказ за соседним столиком.

Каждое утро мужчины, глядя исподлобья и сжав губы, сворчивали с улицы Бахариё в ресторанный тупичок и садились за самый дальний столик. Два менемена, омлет без грибов, три чая, турецкий кофе, пепельница — стандартный набор, и на третий день Али уже повторял его по памяти, будто заклинание. Мужчины благодарили, выкладывали на столик пачку турецкого Camel'a, купленный ещё в дьюти-фри «Парламент», зажигалки, и ждали заказ, поглядывая на прохожих. Иногда один из мужчин, не поворачивая головы и не отводя от улицы взгляда, что-то говорил друзьям. Те отвечали ему, рассматривая предметы на столе.

Мужчины сидели в заведении часами. Они выкуривали по три турецких сигареты, затем — по одной дьюти-фришной. Али обновлял им чай и приносил фанту в стеклянных бутылочках. Насмотревшись на прохожих, мужчины листали что-то в телефонах. Ближе к полудню просили счёт и всегда оставляли хорошие чаевые, причём, никогда не делали этого напоказ, наоборот — пихали купюры поглубже в папку с чеком, пока официанты смотрели в другую сторону. Через несколько часов возвращались ужинать. Каждый раз, принимая из рук Али меню, мужчины приглашали его присесть за столик, выпить с ними чаю. Али,

улыбаясь, отказывался: «Не могу, патрон здесь». Они расспрашивали его про детство в Ташкенте, переезд в Стамбул, особенности местной жизни. Одного из мужчин интересовал зал, в который Али ходил заниматься. Мужчина тренировал боксёров, воспитал чемпиона мира.

— Боря, брат, можно задать тебя вопрос? — через несколько дней спросил Али самого тихого из них. — Ты женат? У тебя есть жена?

— Что, Али?

— У тебя есть жена?

— Ммм... Нет, Али. Я один.

— Эта девушка в тебя влюбился. — Али торопливо кивнул в сторону одной из официанток. — Она просила не говорить тебе, но я сказал.

Борис не повернулся, чтобы официантка не догадалась, о ком они говорят.

— Через неделю я уезжаю из Стамбула, Али.

— Куда? В Россию?

— Нет, не в Россию. В город Каш. Знаешь такой? Под Антальей.

Али помотал головой.

— Ты вернёшься?

— Я не знаю.

— Никто из нас не знает, Али. — добавил Тренер.

Официант вздохнул, записал заказ и отправился на кухню.

II

В первые дни ракурсы менялись ежеминутно. Иногда Борис видел себя со стороны, будто через витрину, иногда ощущал каждый сосуд под кожей, каждую клетку собственного тела.

Три часа после приземления, залитая солнцем квартира знакомых. Электронное пианино у стены, малахитовый диван. Борис присел на самый краешек, переживая, что мебель впитает запах табака от его одежды. Он раскрыл на полу чемодан, достал оттуда чистые носки, трусы, пакет с шампунем, майку, сменную футболку. Отправился в душ с надеждой: сейчас смоет с себя грязь и запахи долгого путешествия, обмажется дезодорантом, попрысается парфюмом, выйдет в коридор прежним, достойным этой квартиры.

Принимая душ, Борис осмелился выкрутить ручку горячей воды на максимум. Наверное, для Турции это роскошь... Пар клубился под потолком, вода плавила плёнку, которой Борис оброс в дороге. Он вспоминал каждый путевой столб.

Санкт-Петербург, квартира на Аптекарском проспекте.

Шкаф, раскрытый cabin-size чемодан. Борис возвращает на полку запасные джинсы и вторую толстовку. Зачем они ему? Он уезжает всего на две недели. Обойдётся минимумом.

Москва, метро «Динамо», отель IBIS на Ленинградском шоссе.

Борис стоит в номере, пытается выставить кондиционер на двадцать градусов. Пульт не работает. Он звонит на ресепшен. «Извините, на осенне-зимний сезон мы отключаем функцию охлаждения». Распахивает окно. До него доносится эхо забиваемых свай. Борис не верит в бога, но неожиданно просит: «Господи, дай мне хотя бы неделю спокойствия». Послезавтра он летит с друзьями в Дагестан, дышать свежим воздухом и гулять по горам.

Рейс «Москва → Махачкала». 21 сентября, полдень.

Объявляют взлёт. Борис поворачивается к приятелю справа:

- Почему ты решил, что нам всё равно нужно лететь в Дагестан?
- Да я и сам не знаю, зачем мы полетели.

Борис повторяет вопрос приятелю слева:

- Я предложил отменить поездку. Почему мы полетели?

Тот пожимает плечами.

Борис оборачивается к лучшему другу Гоше:

— Зачем мы летим? В первый день мобилизации, в Дагестан! Мы совсем ёбнутые?

— Попустись, Борь. Не паникуй. Через пять дней картина прояснится. Решим на холодную голову.

Кипяток обжёг плечи. Борис вырубил воду. Побрился. За пятнадцать лет он так и не научился бриться, постоянно резал себе подбородок. Капли крови смешались с пеной для бритья. «Клубника со сливками». Это из Набокова, из «Камеры обскуры».

Борис вытерся, попрыскался, расчесался, заклеил порезы кусочками туалетной бумаги. Увы, в человека он так до конца и не превратился. Одежда провоняла табаком. Штаны выцвели на солнце, измялись. Борис подумал, что при первом же удобном случае нужно купить сменные. Он снова сел на краешек дивана, подключился к вай-фая. Запасной билет на самолёт в Минск — сдать. Рейс «Минск — Ташкент», конец сентября — сдать. «Санкт-Петербург — Сочи — Санкт-Петербург», середина октября... Невозвратные.

Гоша: Ну что?

Борис: Уже в Стамбуле

Гоша: Огонь. Как пропустили?

Борис: Без приключений.

Гоша: Спрашивали чего?

Борис: Стандартные вопросы. Но я схитрил. Голосом расскажу. Наберу, как освобожусь.

Через час он затащил чемодан в здание напротив. Трёхзвездочный отель, одна тысяча сто лир в сутки. Из лобби через перекрытия просачивался табачный дым, отчего номер напомнил Борису старую пепельницу. Серые стены, наспех отмытые от пятен, несвежее бельё... Борис вымыл руки в душевой, рассмотрел мыльные разводы вокруг раковины. Затем вернулся

в комнату. За пыльным окном турок припарковал микроавтобус, достал из салона ящик «Колы» и отнёс его в магазинчик. Лязгнула дверь кузова. Окно пропускало каждый звук, каждую фразу прохожих.

Стамбул, Кадыкёй, сентябрь две тысячи двадцать второго года.

Борис сложил в поясную сумку банковскую карту «Мир» и паспорт, запер дверь. Он отправился ужинать в кафе неподалёку к Тренеру и его брату. Оба хмурились. Официант плохо понимал по-английски.

— Боря, наконец-то, здорова! — сказал Тренер и протянул руку. — Может, ты справишься? Никак не объясним, что мне нельзя лактозу.

— Русские? — удивился официант — Можно по-русски.

Официанту недавно исполнилось двадцать лет, он родился и вырос в Ташкенте. Его звали Али.

III

— You like kazak's song? — на кривом английском спросил Туна, турок-студент, прилипший к ним неподалёку от паромной станции Кадыкёя — I love this song. Military marches, you know it?

— No, I don't. It's isn't so popular in Russia, I guess.

— Really?! — удивился Туна — Which music you listen in Russia?

— It depends on group of people... — растерялся Борис — I mean... Russians like... Some of them... Listen to pop-music? I don't know, mate.

Он понятия не имел, что слушают русские. Что они любят? Кто вообще эти «они»? Режиссёр «Гоголь-центра» и одноклассник-росгвардеец, раненный в ногу под Киевом — у них вообще есть что-нибудь общее?

— I like one group, but they is from Belarus. — выговорил Туна и тут же сбился — What you think about Ataturk? Know he?

«Началось...» — подумал про себя Борис, а сам произнёс общую, до краёв размытую речь.

- Our countries was enemies in past. You know?
- Yes. I know. I studied history at university.
- Wooow, grrreat! — воскликнул Туна. — I mean... I love Russian military marches. You know meaning of my name? Tuna. It is river in the Balkans. It was important object to conquest.
- Yeah. I remember.
- Putin is right. I mean... He defend Russia against USA. What you will do when you return to Russia?
- Nice garden. A lot of people there. Is it the popular place for the young turkish people?

Друг Туны приседал на уши Тренеру и брату.

- Want seat here? — спросил Туна, показывая на газон, усеянный молодыми турками.
- Yes! Yes. It would be great, I suppose. — ответил Борис и тут же пожалел.
«Зачем... Куда заведёт этот разговор?»

Туна что-то сказал другу по-турецки, тыча пальцем в газон. Друг взразил, кивнув в сторону города.

- Seat here! We return. — сказал Туна Борису.
- See ya. — ответил Борис.

Турки зачем-то попрощались со всеми за руки и потрусили вверх по лестнице.

- Пошлите-ка лучше отсюда. — сказал брат. — Странно это всё.
- Выспрашивал у меня про политику. — укрепил опасения Борис, глядя, как волны Босфора разбиваются о каменную набережную.

Они переместились на площадку, заставленную автомобилями. Подъехала полицейская машина, из неё вышли фараоны. Борису сразу стало всё понятно. Студенты — провокаторы на окладе. Неаккуратное слово, выдавшее в туристах отказников => арест => депортация обратно.

Полицейские приближались. Борис закурил и постарался сделать вид, что любуется закатом. Полицейские смотрели на них в упор. «Хороший английский, вот что нам нужно» – подумал Борис. Время собраться, закидать их «y'all», «load up», «fella» и прочими словечками, выкрутить schva-звук на максимум. Побольше сложных конструкций, да поувереннее. Глядишь, растеряются...

Фараоны прошли мимо, окружили компанию молодых турок, спрятавших вино под лавку. Мужчины выдохнули, тут же утопали прочь с набережной. Попрощались у продуктового магазина. Борис купил ужин бобыля-миллениала: двухлитровую бутылку воды, молоко и «Несквик». Он по-прежнему жил в отеле, но уже не в тараканнике. Найти свободный номер надолго у него не получалось, Борис менял место жительства каждый день. На этот раз ему достался отличный номер: ремонт недавно освежили, сантехника блестела, окно выходило во внутренний дворик. Идеально. Увы, гостиница была забита на три недели вперёд. Два шведских завтрака, два ужина (lentil chorba, minced meat pide, çay, the bill) – и до свидания. В обозримом будущем Бориса ждал паром в Каракёй, к Галатской башне, а уже оттуда, через два дня – в европейскую часть Стамбула, поближе к аэропорту.

IV

– May I ask you to show me your passport?

Борис достал загранник, протянул его сотруднику отеля. Поймал взгляд, упавший на обложку. «Да, русский паспорт». – подумал Борис – «Ты же прекрасно понимаешь, почему я тут. И всё же, я продолжаю быть русским. Двуглавый орёл, да. Не суди! Напомнить про Смирну?».

Турок методично вбивал в компьютер данные.

«Не оправдание, но всё же... Подобное может случиться с каждым. И уже ты в Петербурге будешь показывать девушке на ресепшене бордовый паспорт, стесняясь полумесяца на обложке. У наших стран похожие паспорта, знаешь? Золотой на бордовом».

Ничего из этого Борис, естественно, не произнёс.

— It's detailed information about the rules and opportunities. — сказал сотрудник отеля. — Do you wanna get it on your native language?

— No, it's definitely ok to read it in English. — ответил Борис и мысленно добавил — «Ты за кого меня принимаешь, друг? Думаешь, я не прочту этот текст на английском? Я русский европеец, вот кто я. Вымирающий вид».

«I'm into literature». — заявлял Борис каждому турку, беседующему с ним. Комфортное было разделение: как бы мир ни полыхал, мы (писатели), мы (читатели), мы (любители поэзии) — не они. Мы всё понимаем. «I do love Orkhan Pamuk's novels» — добавлял Борис. «Aaaah... Pamuk... I've heard about him» — осторожно отвечали турки.

Со временем Борис понял, почему.

В один из вечеров он отправился на площадь Таксим. В Стамбуле рано темнело, турки сидели кучками, беседовали о чём-то полуслышком. Борис встал у монумента «Республика» напротив двух бронзовых фигур и закурил. Перед ним замерли памятники маршалу Клименту Ворошилову и полковнику Семёну Арапову — жест благодарности Мустафы Кемаля Ататюрка Советскому Союзу за военную помощь. Борис сделал фото.

Борис: Окажись гость из будущего в резиденции османских пашей и расскажи им о том, что памятник русским будет стоять на одной из главных площадей Константинополя — не сносить ему головы.

Гоша: Угу. Про Анталью пашам тоже не стоило бы рассказывать...

— Lighter? — спросил у Бориса подошедший турок.

Вымучив улыбку, Борис протянул зажигалку.

— Where are u from?

— Russia, Saint-Petersburg.

— Alone here?

— Yeah, I am.

— Me too. I'm on vacation. My name is Figo, I'm from Antalya. Много русский там, да?

Борис удивился совпадению, но объяснять не стал. Они с Фиго разболтались, закурили ещё по одной. Борис уже три дня не разговаривал с людьми — Тренер и брат улетели на Бали, тренировать экспатов и сёрфить, а он остался в Стамбуле, ждал выходных, чтобы отправиться в Каш. Фиго работал инженером, строил дома. Он выбрался на Таксим выпить пару кружек пива.

— Where are you going?

— To Nishantashi square. — ответил Борис.

— It's near here and it's also on my way. Follow me!

Борис затушил окурок о подошву кроссовок, чтобы донести его до ближайшей мусорки.

— What do you usually do at your free time? Chillin?

— No. I adore reading. — ответил Борис. — I'm into literature. I'm a fan of Orkhan Pamuk's novels. Do you know him?

— Orhan Pamuk! — удивился Фиго — I've heard about him...

Борис заподозрил, что Фиго просто не хочет показаться невеждой.

— Do u wanna drink with me? Just one beer. I know nice pub not so far from here.

Подумав пару секунд, Борис согласился. Достаточно быстро они свернули с проспекта к какому-то ангару.

— Two people. — почему-то по-английски сказал Фиго охраннику на входе.

Внутри долбил примитивный хаус. Это был не бар, а клуб. Борис осмотрелся, заметил откровенно разодетых турчанок на танцполе. Они двигались под музыку, поглядывая на вошедших. Столики напротив танцпола пустовали, лишь араб в приталенной футболке, обнимая густо накрашенную подругу, выдувал кальянный дым под потолок.

«Эх, Фиго-Фиго. Знал бы ты, откуда я родом...» — подумал Борис.

Ради любопытства он открыл папку, лежащую на столе. Пиво Efes — двести лир. В магазине оно стоило тридцать.

Борис уже бывал в подобном «баре» с боссом. Как-то раз он повёл его отмечать запуск нового продукта. Борис тогда даже не успел осмотреться — на диванчик подсели девушки, задали несколько заученных вопросов и принялись клянчить коктейли из «джентельмен-меню», стоимость напитков в котором была завышена в три-четыре раза. Но босс тогда шиковал, всё записывали на его счёт.

Босс накидался B-52 и рассказал, как однажды, буквально через пару недель после переезда из Надыма, он решил гульнуть на Думской. Рядом с баром курили две девчонки. Завязалась непринуждённая беседа. Босс позвал девушек внутрь. Они согласились, но предложили пойти в их любимое место неподалёку. Девушек там знали, даже придержали для них столик. Пару часов босс заказывал шоты себе и новым подругам. Затем девушки растворились в дыму на танцполе, а боссу принесли счёт под тысячу евро. Обещание позвонить вымышленным друзьям-чеченцам охранников не впечатлило. Боссу разбили лицо, вытащили из кошелька наличку, а его самого выбросили на улицу.

«Впрочем, не парься, здесь всё по-честному» — сказал босс, опрокидывая очередной B-52 в глотку. — «Допивай. Я заказал нам по привату».

— Haven't you chosen yet? — спросил Фиго.

Борис закрыл меню и ещё раз посмотрел на танцпол. Одна из девушек поправила причёску. Шагнула навстречу.

— Sorry mate it's too expensive for me. It would be better if I went to Nishantashi instead of drinking here.

— Just one or two beer... I can pay for you. They have Bomonti just for 120 lira. Is it expensive?

— Yes. It definitely is. No offence, it's just my strong decision. Bye.

Борис встал и пошёл к выходу, не оборачиваясь. Охранник нехотя выпустил его наружу. Возвращаясь мимо Таксима через Истикляль к

паромной станции, Борис ругал себя на чём свет стоит. Долгие годы он оттачивал настороженность, но развесил уши, встретив прохожего с хорошим английским.

«Ну Фиго, ну пидарас!» — думал Борис, петляя между толпами на Истикляле. — «Инженер-строитель он, ага. Из Антальи. Ещё и Памука не знает».

V

«Наверняка, она нас даже не запоминает. Сколько за сутки проходит мимо, тысячи? Да и как запомнить человека, если он не смотрит тебе в глаза? А большинство по-любому смотрит в пол, протягивая билет».

Борис достал телефон, в сотый раз бросил взгляд на часы, убрал его обратно. Пощёлкал пальцами, потоптался на месте.

«Почему все отводят взгляд? Трусят? Боятся осуждения? Штамп и штамп. Это ведь даже ещё не паспортный контроль».

Борис тут же предположил, что можно и не склонять головы. Можно впиться взглядом в ответ, со злостью или даже ненавистью. Чтобы до мороза продрало, чтобы женщина на входе в гейт поняла — даже она олицетворяет силу, выгоняющую их из насиженных гнёзд.

Но Борис тут же одёрнул себя. Женщина-то тут причём? Сидит и сидит. Монотонно пикает штрихкоды.

Гораздо интереснее было рассматривать парней впереди. Из-за волнения они не замечали слежки. Борис так и побрёл за ними: черезтурникет, на осмотр, даже на паспортном контроле встал позади. Рассматривая сутулую спину одного из парней, Борис прислушивался к ощущениям. Почему они так его заинтересовали? Неужели он смеялся про себя над «обоссавшимися юнцами», пытался возвыситься хотя бы на их фоне, прикрыть след от пинка под зад? Или переживал, что выглядит таким же испуганным — и от этого напрягался ещё больше, ожидая непростой разговор с погранцами?

Бориса предупредили, что лучше идти в окно к девушкам. Борис протянул паспорт. Цель поездки? Туризм. Обратный билет есть, на 9 октября. Нет, всё время буду в Стамбуле.

Пауза.

Пауза.

Затянувшаяся пауза...

— Когда купили билет?

— Сегодня.

Девушка за стойкой растерялась.

— Вот... прямо сегодня?

Борис потянул смартфон из кармана джинс. 02:32.

— Ну, если быть филигранно точным, то вчера.

Девушка моргала чаще обычного. Он нарушил правила игры и знал об этом.

— Возвращаться планируете?

Борис поднял голову. Заглянул девушке в глаза.

— Непременно.

И снова ушёл в себя до тех пор, пока не услышал щелчок штемпеля.

Борис, не останавливаясь, тут же залез в перонный автобус. Юнцов в салоне не было. Похоже, они так и не смогли скрыть волнения. «Неужели кого-то задерживают?» — подумал Борис.

Но спустя минуту юнцы вбежали в автобус, шаловливо улыбаясь. Один из них держал в руке литр виски «Jack Daniels».

Борис поморщился и отвернулся к окну.

VI

Вопреки ожиданиям при посадке никто не аплодировал. С одной стороны, хрен с ними, с аплодисментами... но всё же хотелось почувствовать облегчение: вот они, примерно восемьдесят пассажиров, выпорхнувших из закрывающейся клетки, готовы начать новую жизнь, состоящую из икамета, переводов «Золотой короны», долгосрочного контракта на квартиру, сезонных фруктов, солнца, камней, пористых, словно шоколадка Milka, и моря цвета мятного «Листерина» — да, они готовы начать новую жизнь, а точнее — продолжить старую, без войны и диктатуры, хотя, конечно, это временно, потому что придёт на этот берег и война, и диктатура, но не сейчас. Восемьдесят мотыльков бросились на свет фонаря от сгущающейся тьмы и ты, один из них, должен возрадоваться спасению — но вместо этого то ли судьба, то ли воспалённое бессонными ночами сознание подбросило Борису совершенно другое впечатление. Под вежливый бубнёж стюардессы, напоминающей пассажирам о забытых вещах, Борис достал с полки рюкзак и куртку, кинул их на сиденье и начал искать загородный паспорт. Ни во внутреннем кармане куртки, ни в секретном отсеке рюкзака паспорта не оказалось. Борис вспомнил, как забирал бордовую книжечку из-под стекла на паспортном контроле, как потом отдавал тот же паспорт с билетом девушке перед гейтом и как она... А отдала ли она ему паспорт? Или сунула в руки только билет, глядя ехидным взором на его наверняка испуганное лицо? «*Лети-лети, лепесток, никуда не денешься, вернёшься первым депортационным рейсом обратно, потому что в нервяке не уследил за своей заветной книжечкой, которая будет ждать тебя у погранцов, у, на минуточку, Ф-С-Б, в одном наборе с неприятным допросом и проверкой мобилизационных списков, которые пока до нас не дошли, но ко времени, когда ты вернёшься, дорогой, всё уже будет в полном поря....*». Бориса прошиб пот. Какой идиотизм — спустить целую зарплату на билет, прилететь в Стамбул и... потерять по дороге паспорт. Такое могло случиться только с ним. Нужно было уходить и сдаваться пограничникам, но покидать салон не хотелось. Нервничая, Борис провёл руками по бёдрам и правая рука наткнулась на выступающий прямоугольник. Борис сунул руку в карман, нашупал документ. Бордовая книжечка с орлом на обложке. Сунул в штаны, потеряв на минуту

бдительность – то ли в автобусе, то ли уже в салоне самолёта.... И спросонья забыл об этом.

«Фух, блядь...» – подумал Борис – «Что ни день, то приключение».

Больше ничего уже не могло его напугать. Турецкий пограничник долго смотрел в паспорт, говорил что-то в рацию. Борис не двигался, не моргал, превратился в мраморную фигурку туриста, летящего в Турцию по купленной заранее путёвке, которую он подделал в фотошопе ещё по пути в Москву. Пропустили. Съел картошку фри в местном Макдаке. Без злорадства. Макдак и Макдак... Когда Макдак ушёл, Борис не расстроился, он его не любил. Просто в аэропорту обычно выбирать не приходится, а когда он поест в следующий раз – только Бо... только Аллаху и известно.

Таксист сразу же прилип на выходе из аэропорта.

– Six hundred. I have only six hundred. – сказал ему Борис, хотя на самом деле обменял тысячу.

Таксист согласился, потому что знал: дорога от аэропорта до Кадыкёя стоит 400 лир. Борис об этом ещё не догадывался, ориентировался на знакомых, которые доехали вчера за шесть сотен. Тронувшись, водитель закурил и тут же предложил ему сигарету. Борис поблагодарил, показал водителю дьюти-фришный «Парламент», опустил заднее стекло. «Как же хорошо, что я взял с собой десять тысяч рублей наличными» – подумал Борис, прикуrivая. Он решил, что наличные пригодятся ему в аулах Дагестана, где могло не быть банкоматов. И вот где они ему пригодились на самом деле.

Ехали долго, постоянно встrevали в пробки. Таксист жалобно просил докинуть пятьдесят лир и свернуть на платную дорогу. Борис отказывался из принципа. Простаивая в очередном ряду, Борис одной рукой стряхивал пепел в окно, а другой набирал свежий пост в телеграм-канал:

Отражение в луже. Ночной пост №1

Чем бы ни закончился нынешний Исход, его стоит запечатлеть в форме антропологического исследования. Первые дни после мобилизации

предстанут в нём лоскутным одеялом из портретов «до» и «после», интерьеров, в которых было принято непростое решение, вещей, взятых с собой в качестве талисманов, воспоминаний или помощников – чем не музей невинности или довлатовский чемодан? Подобный проект хорошо бы смотрелся в ММОМА или Гараже, если, конечно, ММОМА и Гараж дотянут до очередной оттепели, ну а пока можно выставлять его в собственном воображении или социальных сетях – почему бы и нет, драмы, в отличие от мести, можно подавать горячими.

Вот наша с близким другом комнатушка: аварский аул Чалда, два часа пути от Махачкалы, кровати без ножек, стул, ковры на полу и жалюзи на окнах. Каждое утро начиналось с убеждения себя в том, что можно и не уезжать – решённый ещё в феврале вопрос снова стал ребром, и в попытках оттянуть побег я неизбежно скатывался к обвинениям в трусости: ссышь, вот и бежишь, а корчил-то из себя, а кого из себя корчил! «Не уеду», «остаюсь», «двум смертям», что там ещё, тьфу... Сомнения, тревога, всепоглощающие обвинения, неспособность выпутаться из клубка – вот неполный перечень спутников моего отпуска в Дагестане, и, как результат, приплюсованные к ним стыдливый побег из аула в Махачкалу, рейс до Шереметьево, трансфер в Домодедово, а уже утром, спустя всего шестнадцать часов с момента принятого решения – утренний Стамбул, хитроватый таксист, пробки на пути в абсолютно незнакомый Кадыкёй.

Сейчас, стоя на перекрёстке, я размышляю, что интеллигенция (особенно левая) устроена удивительным образом – то ли от скуки, то ли от нерешимости принимать реальность во всей её жестокости и простоте, она с упоением бросается строить сложные конструкции, доказывающие, что всё не так однозначно. Это пресловутое «всё не так однозначно» – оно ведь не из народа, чисто интеллигентское изобретение, помогающее затаиться в домике подольше. Вот и вокруг побега стала плодиться изворотливость: вдруг оказалось, что решение остаться при возможности уехать тоже можно списать на страх, потому что многие боятся резко поменять жизнь, покинуть привычное место, оказаться мигрантом в среде, где не понимают твоего языка и плевать хотели на твои привычки.

Даже тяготы жизни при диктатуре на фоне этого страха кажутся не такими острыми.

Я по старой слабости быстро поддаюсь соблазну – ещё не добравшись до Кадыкёя, стою в пробке и вспоминаю дагестанскую комнатку, себя, лежащего на спине, и страх, мешающий мне оторваться от беспечной жизни на Петроградке, от мира, которого больше нет и никогда уже не будет. Таким образом побег хотя бы на несколько минут превращается в акт смелости и преодоления себя – приятное утешение, не имеющее, правда, ничего общего с реальностью вокруг.

VII

Борис никогда не посещал в казино, но сейчас ему казалось, что он сорвал куш. Ненадолго, конечно, всего на сутки, но и выигрыш в рулетку наверняка испарялся в лобби отеля или ночном клубе ещё быстрее. Вряд ли кто-то из счастливчиков вернулся домой к жене и вкинул выигранное в ипотеку – не бывает такого. Даже если ты и выиграл, то исключительно эмоционально; прожигание куша – яркое воспоминание. Будет над чем усмехнуться, морщась от предсмертных судорог в старческой постели.

В общем, Борису повезло, как в казино. После ужина в одной из забегаловок Кадыкёя он с тренером обошёл три турецких банка, снял в каждом по полторы тысячи лир с карты «Мир», а наутро платёжную систему заблокировали на территории Турции с концами. Узнав об этом, Борис выложил на плохо отстиранный пододеяльник пять тысяч лир. Что ж, это примерно четыре дня жизни в Стамбуле, если тратить деньги исключительно на комнату в отеле, плотный обед и лёгкий ужин. Не так уж плохо. За четыре дня что-нибудь да придумается.

Отчего-то нещадно болела голова. Возможно, от того, что каждое утро до 11:00 приходилось покидать временное пристанище. В Стамбуле повсеместно практиковался выезд до полудня, а вот заезд в новый номер стартовал с 14:00 – эти три часа с чемоданом и рюкзаком в придачу казались пыткой; то, как он затаскивал багаж от пристани Каракёя на холм за Галатской башней, запомнилось Борису надолго. Хуже только поход из центра Каша в Черчиллер пешком. Впрочем, этот маршрут

известен сотням русских, но не миллионам; вряд ли кто-то понастальгирует, читая этот текст. Но об этом позже.

Заходя в аптеку за таблетками, Борис переживал две тревоги. Первая из них напоминала про коронавирус. Фармацевты в Стамбуле по сей день носили маски, не подозревая, что «СВО» где-то в Диком Поле отменила пандемию. Вторая тревога настигала его у кассы — продавался ли в Турции «Нурофен» или «Найс»? Приходилось гуглить аналоги на специальном сайте; не то чтобы великая беда... скорее, ещё одно неудобство, свалившееся в первые дни после бегства.

Закинувшись неизвестным обезболивающим, Борис пошёл с Тренером и его братом гулять по центру Стамбула. Никто не хотел рассматривать ни здания, ни дворцы, но память всё же подсказывала — раз уж очутился в легендарном городе, будь добр обойти достопримечательности, даже через силу; даже если Айя-София для тебя — собор Святой Софии, а Стамбул, через все культурные препятствия, нет-нет да назовёшь Константинополем. «Всё же, они ничуть не лучше, чем мы...» — думал Борис, вспоминая историю Османской империи. В Айю-Софию выстроилась трёхчасовая очередь, так что парни довольствовались чаем в шатре неподалёку и видом на Голубую мечеть под палящим солнцем.

Потом, когда Тренер с братом улетели на Бали, Борис заселился в отель недалеко от Галатской башни и без очереди прошёл в Айю-Софию поздним вечером. Он внимательно рассмотрел каждый уголок и закоулок, а заодно стал невольным свидетелем конфликта: грек, так и не смирившийся с Историей, поспешно перекрестился на выходе из мечети и побежал прочь, пока его не заметили. На самом деле, никто и не пытался схватить смутьяна; но, глядя на этот поспешный акт сопротивления, Борис сам испытал своеобразную боль — неприятие имперства, приведшее его сюда, пересеклось с религиозной гордостью, вскипающей в крови спустя тысячелетия. Кровь против разума — не это ли вечный конфликт в душе любого русского человека?

Отражение в луже. Ночной пост №2

У каждого поколения своя трагедия. Родители выживали в девяностые, бабушки и дедушки – дети войны, прадедушки-прабабушки так вообще хлебнули горя через край... Продолжать можно бесконечно, но одновременно с этим стоит признать: долгие годы, прячась в лимбе самых разнообразных пузырей, мы всё равно подозревали, что и наше поколение не минует эпохальное испытание – не должно, не бывает иначе – и подозрение это неизбежно сбылось.

Тут, конечно, вспомнить бы первые дни ковидного карантина – сквозь недовольство или даже тревогу нет-нет да проглядывала позорная торжественность момента. Каждый дед, махнувши рюмочку на празднике и раскрасневшись, рассказывает байки своего поколения – предполагалось, что мы будем рассказывать про тесты, кашель и ломоту костей, про Коммунарку и героизм врачей, вставать, кряхтя, со стула и копаться в комоде, искать показанную уже десятки раз медицинскую маску, беззлобно переругиваясь с бабкой и не замечая закативших глаза внуков.

Сейчас, измочаленный 2022-м, понимаешь – ковид был лишь разминкой. Не родилось ни плеяды фильмов, ни вороха романов о пандемии – не дождались, не успели переварить, случились новые трагедии и новые испытания, куда более дикие и жестокие.

От удара поколение разбилось, как банка с драже – частички разлетелись, кого-то придавило осколками, кто-то остался внутри. Пытаясь охватить взглядом общую картину, всё больше задаёшься вопросом: она ли это, главная поколенческая травма? Или же снова промежуточная остановка – и по нам ещё пройдётся ботинком, расшвыряют дальше, вдавят осколки в тех, кто не укатился под диван?

Ведь и в начале пандемии где-то внутри таилась надежда на то, что мы откупимся парой волн и свернёмся обратно клубочком в своих пузырях, но она не сбылась. А теперь о надежде даже и говорить как-то стыдно – пишешь другу, заикаешься о белой полосе, а в ответ получаешь сообщение «да какой она вообще может быть, эта белая полоса?» и одёргиваешь себя – действительно, чего это я – во времена, когда даже

надежда-на-надежду подвергается сомнению, самый скромный оптимизм выглядит чуть ли не сумасшествием.

Итак, да – Тренер с братом улетели на Бали. Борис остался наедине со Стамбулом – по слухам, необычайно сложным и пёстрым городом, который невозможно изучить даже за полгода, что уж говорить про жалкие пять дней.

Борис понимал это и заранее сдался. Однако, Стамбул безостановочно провоцировал его ворохом впечатлений. Путь на пароме из Кадыкёя в Каракёй смахивал на экскурсию: сначала Борису в глаза лезли колоритные пейзажи порта с грузовыми суднами, кранами и контейнерами, напоминавшими конструктор «Лего», затем показались Девичья башня и дворец Долмабахче. Светило солнце, дул тёплый ветерок, чемодан тихонько бился о борт парома, но Борис всё равно не мог насладиться круизом, наблюдая за ним словно через полиэтиленовую плёнку. У причала кружило несметное количество чаек, в нос бил запах протухшей рыбы. Асфальт был загажен настолько, что к нему прилипали подошвы. Вытащив чемодан на берег и покатив его по проулку в сторону будущего жилья, Борис даже обрадовался неприятным впечатлениям – окажись Стамбул бесспорно восхитителен, ему было бы в десять раз обиднее оказаться здесь во время всепоглощающего раздражия. Восхождение под палящим солнцем в гору умерило его досаду окончательно. Катить чемодан по брусчатке и ступенькам было невозможно. Борис тащил багаж в руках и всё происходящее напоминало ему античное наказание. Допустим, миф о Сизифе. Правда, в антураже двадцать первого века, в присущем постмодернизму мелочном масштабе.

Не камень, а чемодан.

Не Тартар, а Каракёй.

Не на вершину, а в трёхзвездочный отель.

Внешние подоконники отеля, куда заселился Борис, переделали в подобие веранды. Вечерами, после заката, юноша с ресепшена включал плейлист на колонке Marshall, курил и качал головой в такт музыке. Борис обычно сидел на соседнем подоконнике, не отрываясь от Shazam'a.

Он старался не уходить от отеля далеко, ограничивался ближайшими заведениями и магазином за углом, пытался освоиться хотя бы на мизерном кусочке карты, но в последний день всё же отважился спуститься с горы к Галатскому мосту, посмотреть, чем живёт вечерами этот район Стамбула.

Достаточно быстро улочки Каракёя сменились оживлённой трассой с тропинкой вдоль одной из полос. Борис ёжился от гула проносящихся мимо машин. Увы, навигатор привёл его к развязке, где явно не было даже лазейки для пешеходов. Борису пришлось перебраться через заброшенный сквер на соседнюю улицу. Шоссе сменили станции тех обслуживания, закрытые магазины и отели, напоминавшие советские санатории. Порой ему приходилось даже включать фонарик на телефоне и подсвечивать себе путь, так как не все улицы освещались. Борис, ослеплённый лучом фонаря, понимал, что его вполне могут ударить сзади по голове, отобрать телефон и бумажник с наличными. В таком случае он дорого заплатит за прогулку. Особенно глупо было идти всё это время в эйрподсах и слушать зашамленные у хоста треки – разношёрстные, не всегда подходящие под окружающую атмосферу, но именно от этого прекрасные.

Кстати, вот они:

Tamino – The first Disciple (3:26)
Hozho – Troubles in Paradise (8:07)
Melanie de Biasio – Afro Blue (4:33)
Ogün Sanlisoy – Bilmece (5:19)

Турки ловили рыбу на набережной. Борис в очередной раз удивился, как сцены городской жизни повторяются от мегаполиса к мегаполису. Ведь и в Петербурге мужики ловили рыбу в Неве – правда, в отличие от турок, они выглядели скорее несчастными семьянинами, сбежавшими от жены к холодному граниту канала. Борис ни разу не видел, чтобы мужики что-нибудь выуживали из реки, а вот турки вытащили при нём пару рыбин из Босфора. По внешнему виду рыбаков было заметно, что они ловят себе ужин и, при должном везении, продадут излишки соседям.

Покрутившись вдоль набережной, Борис решил перейти Галатский мост и погулять по европейской части – благо, маршрут занимал не более получаса.

Удивительно, но ближе к ночи туристический центр Стамбула словно растворился в ночи: толпы рассеялись, неоновые огни вывесок подсвечивали влажный асфальт. Борис с изумлением двинулся по улице шейха Эбуссууда-эфенди. Он заглянул в один из переулков, набитый заведениями, съел пиццу с рубленным мясом и сет из мезе, запил чаем, заказал кофе, затем, с трудом дыша от переедания, побрёл сначала в Айю-Софию, а затем уже в парк Гюльхане. Борис прошёлся туда-сюда по аллеям, посидел на склоне с лысеющим газоном и в конце концов переместился на лавочку. Портреты Ататюрка колыхались от ветра, будто танцуя фокстрот с флагами Турецкой Республики.

Ататюрк походил одновременно на диктатора и наставника. Глядя на него, совершенно невозможно было понять, каким правителем он в конечном итоге оказался. На колени к Борису запрыгнул кот. В России такого, конечно, не случилось бы. Слишком много доброты для суровых нравов. Да и как выжить такой толпе котов в том же Лопухинском саду в феврале?

Борис почувствовал себя героем мемов. Сгонять кота было жалко, хотя время поджимало. Утром его ждал самолёт в Анталью, а уже оттуда, транзитом через автовокзал – в Каш, где он уже бывал полтора года назад.

Ветер стих, постеры разгладились. Теперь Ататюрк смотрел прямо на Бориса. А Борис смотрел на Ататюрка.

- Какие странные всё же у тебя глаза. – сказал Борис.
- Глаза как глаза. – ответил Ататюрк. – Цвет удивляет?
- Да не в цвете дело. Знаю я, что и среди турок полно голубоглазых. Они у тебя какие-то... Змеиные, что ли. Но, знаешь, по-хорошему змеиные.
- Лучше расскажи, как тебе мой Стамбул.

Борис погладил кота.

— Глупо получается. Великий город, а я его и не узнал толком. Ресторан в Кадыкёе, набережная Босфора недалеко от вокзала Хайдарпаша, улочки вокруг Галатской башни, сейчас вот до парка дошёл — а всё как-то мимоходом, да ещё и в тумане. Но я обязательно вернусь. Мне же теперь надо где-то жить. А где я буду жить? Наверняка в Турции или Грузии. Ну, может, в Сербии. В любом случае все пути ведут через Стамбул.

— Впереди ещё целая ночь, чтобы познакомиться с городом.

— Лучше посплю в отеле, завтра самолёт.

— Да что там самолёт, полтора часа... До аэропорта дольше ехать будешь. Пробки же.

— Откуда ты всё это знаешь? — удивился Борис — Ты же умер в 1938-м.

Но на парк, отдохнув, снова накинулся ветер с Босфора. Портрет Ататюрка чуть ли не свернулся в трубочку. Борис аккуратно просунул ладонь в карман штанов, чтобы достать телефон. Пригревшийся кот спрыгнул с колен и тут же скрылся под лавкой.

Борис попытался снять развевающиеся плакаты с Ататюрком на фоне ночного Гюльхане, но как обычно получилась какая-то фигня. Борис не переставал удивляться, как красивые картины, видимые глазом, теряли привлекательность в объективе. Наверняка сложность заключалась в иной фокусировке, оптике, преломлении света или ещё чем-то техническом, но Борис был убеждён, что главной причиной служила неживая сущность фотоаппарата. Это же просто пластмасса и стекляшка, а глаза... Как говорила бабушка Бориса, глаза — зеркало души. Пошло, конечно, но не лишено смысла.

Отражение в луже. Ночной пост №.3

Когда Инстаграм ещё был молодым, а камеры в смартфонах уступали зеркалкам, мы полюбили фотографировать себя. Фиксируя каждый момент, мы стремились ухватить ускользающее время кончиками пальцев, пытались (пусть и тщетно) сохранить моменты счастья или восторга, томной грусти или юношеской любви. Приподнимая бровь,

каждое лицо на селфи будто задавалось вопросом: «Я существую? Я же существую?» И лайки отвечали лицам: «Да, да. Конечно же, да».

Пока мы фотографировались, прия в красивый ресторан, я оставался спокоен. Но как только некоторые из нас принялись ходить в красивые рестораны, чтобы пофотографироваться, я насторожился. Вместо того, чтобы хранить отпечатки утерянных впечатлений, люди стали выстраивать воздушные замки из разнообразной пластмассы: бутафорских каминов и чужих свитеров, арендованных брендов и прокатных автомобилей, заказанных завтраков, заученных слов. Дистанцию между реальной жизнью и Сетью затопили тонны умолчанной лжи, «позинга», «копирайта», «стратегий развития личного бренда» – и сквозь эту толщу стало совершенно невозможно рассмотреть реальные чаяния создавших её людей. Слишком мутно, не видно ни зги.

Соцсети, заинтересованные в большом количестве контента, заставили инфлюенсеров не просто изобразить мир их мечты, но и оживить его, регулярно доказывать подписчикам, что он существует за рамкой экрана. Непрерывные спектакли в сториз заполонили наши ленты – и мы, конечно, не выдержали этой гущи притворства, принялись мятьтить активных инфлюенсеров, свайпать вереницу их сценок, удалять в напряжённые моменты жизни приложение и не переживать по поводу их идеальных миров.

Но временами лайфстайл-сторителлинг настигает нас даже в реальности. Заходя в популярные кофейни, я замечаю, как люди, едва заказав напитки, тут же достают смартфоны, выпрямляют осанку, принимают чарующий вид. Вздохнув, я погружаюсь в ленту их Инстаграма. Иногда мне кажется, что кто-то из них сольётся с виртуальностью воедино, заговорит вслух: «Захотела поделиться с вами своими находками! Ввиду того, что я много где была и много чего пробовала, мне довольно часто прилетают вопросы...»

Когда они устанут? Когда ощутят горечь подмены? Рано или поздно они должны догадаться: побыть в лесу куда приятнее, чем снимать его на видео сорок минут лишь для того, чтобы выглядеть кем-то в глазах других людей. Увы, внутрь собственного профиля не переедешь, как бы

этого не хотелось. Создавая контент везде и всюду, по сути, не бываешь нигде.

Можно сколько угодно доказывать в сториз «Я существую! Я же существую!», но реальный мир ответит тебе: «Нет, нет. Конечно же, нет».

Впрочем, я не скептик. Рано или поздно инфлюенсерам надоест служить Инстаграму механизмами по производству контента. Люди, и без того чрезмерно увлечённые собой, сфокусируются на внутреннем мире, приватность станет привилегией. Селебрити тайно поедут на Бали, блогеры пропадут с радаров. Человечество введёт в оборот термин «lazy posting».

Мы снова вернёмся в мир, где люди фотографируются на память, прежде чем разъехаться домой на такси. Инстаграм вернёт хронологическую ленту (говорят, уже возвращает, признав собственную навязчивость). Качнувшись вправо, маятник вернётся в исходное положение и мы вновь увидим реальный мир.

Ветер будет гонять по аллеям первые осенние листья. Вы протрёте пальцами глаза, но затем не потянетесь в карман за смартфоном.

...

На горизонте появилась толпа парней, кричащих что-то друг другу по-турецки. Борис поднялся с лавки и пошагал прочь из парка. На миг показалось, что он смотрит на город чуть свысока, со второго или третьего этажа. Это ощущение было знакомо Борису – в пандемию он часто выбирался на Аптекарский остров ночами, гулял вокруг корпусов ЛЭТИ и Ботанического сада, отчётливо слышал стук посуды через открытую форточку на первом этаже или шуршание снега под лапами бездомных котов вокруг подвалов. Вот и Стамбул превратился в театральную постановку, где свет фонарей заменял софиты, делая контрастными недвижимые тени.

На удивление, в одном из баров горел свет. Борис толкнул дверь. Внутри сидело несколько человек, из колонки над потолком ворчала музыка.

– Excuse me, are you working? – спросил Борис, подойдя к стойке.

Бармен даже ухом не повёл. Закрыв тетрадку, он подхватил пустую кегу и потащил её на второй этаж. Борис огляделся, увидел табличку WC и сходил в туалет. Бармен спустился буквально через минуту, промелькнул мимо него и принялся болтать с парочкой в другом углу, повернувшись к Борису спиной. Борис убрал руку с барной стойки и вышел на улицу, не оборачиваясь.

Захотелось кинуть в дверь бара что-нибудь безобидное... Каштан или шишуку. Путь до Каракёя заняли самокопания.

Даже если он показался бармену неприятным, бару что, не нужна выручка?

Борис не замечал окружающей его жизни. Камни словно выпадали из мостовой, вырастали в пористые валуны песчаного цвета, верхние этажи зданий испарялись в густом стамбульском воздухе, а нижние обрастили деревянными рамами. Вокруг выстраивались заборы, Галатская башня истончилась и стала минаретом, столичный смог раздвинулся, будто занавес, обнажив звёзды.

«Как тебе мой Стамбул? Как тебе Анталья? Как тебе Антифли?» – безостановочно гудел в воздухе голос легендарного Ататюрка.

VIII

Борис достал из шкафа штаны, натянул их на бледные до сих пор ноги, заправил выгоревшую на солнце футболку. Вздохнув, огляделся в поисках ремня и в очередной раз отметил, что ему досталась неплохая квартирка: белые стены, кухонный рукав, выложенный «кабанчиком», техника Bochs, плазменный телевизор на кронштейне, в туалете – встроенный унитаз и просторный душ со стеклянной перегородкой. Спальня располагалась отдельно, в ней умещалась не только большая кровать, но и шкаф, комод, кресло для чтения и тумбочка, на которую Борис поставил две фигурки, привезённые друзьями по его просьбе из петербургской квартиры. Славянские боги Велес и Сварог – они кочевали с ним не только из текста в текст, но и по разным странам. А вот в отпуск Борис их не взял. Думал, что скоро вернётся.

Ремень нашёлся под кроватью. Борис затянул его на последнюю дырку, но штаны всё равно болтались. Придётся прорезать новую. Хорошо бы купить другие штаны, которые лучше сидят на талии, да приобрести себе сменную толстовку.

Потребительское изобилие середины десятых нередко вызывало в Борисе тревогу и отвращение. На работе, на тренировке, да пусть даже воскресным вечером у залива в Севкабеле ему нет-не да хотелось встать и крикнуть во всё горло: «Эй, люди, смотрите, про вас же можно даже не рассказывать! Достаточно перечислить набор лейблов! Uniqlo, SHU, Macbook, IKEA, HQD – обрисовывается портрет? Stone Island, Weekend Offender, Belhaven, Gazelle – эй, парень, где ты был и что делал в 2008-м? Какие города топтали твои белые тапки?»

Исход поменял всё, в том числе отношение к вещам. Подтрунивая над людьми, стоявшими в очередях за новым айфоном или судивших посетителей клуба по биркам на одежде, Борис не подозревал, что вещи гораздо сильнее брендов – вообще, если говорить напрямую, вещи в текущей ситуации стали равны людям. По крайней мере, в голове Бориса.

Можно ли разбить кувалдой карельскую фигурку? Вполне.
Можно ли разбить кувалдой голову человеку?

Расхаживая вечерами из одного угла квартиры в другой, Борис не раз рассуждал, что вещи возможно переживут нас всех. Одноразовые пакеты, пластиковые бутылки, баночки из-под кока-колы – всё то, от чего люди его круга пытались так тщательно избавляться, впитают их воспоминания, останутся в этом мире дольше, чем мы. И это был прекрасный повод задуматься – какие вещи Борису придётся таскать в L-чемодане, а какие запихивать в ручную кладь?

В том, что рано или поздно он сменит свой компактный cabin-size чемодан на баул, Борис не сомневался. Достаточно было посмотреть на друзей, которые покинули Россию в феврале. Они возили с собой прищепки, набор инструментов, ретранслятор сигнала для Wi-Fi, сетевой фильтр... И всё это, кстати, пригодилось бы Борису в первую же неделю. Соседи по этажу Антон и Алиса, жившие напротив, за полгода успели приобрести разборный турник, резинки для занятий спортом, домашние

чуни и шерстяные носки, портативный отпариватель, ирригатор. Все эти вещи казались Борису излишними, но как знать, что ему понадобится в новой жизни?

Борис вздохнул и посмотрел на часы. Шакил, чья визитка висела на холодильнике, обещал приехать через двадцать минут после звонка. Прошло тридцать. Борис выглянулся в окно, проверил, не припарковался ли кто-то у входа. Нет, пусто. Что ж...

Борис вышел на общую веранду. Под полуденным солнцем бликовал бассейн, в котором никто не купался. Во-первых, вода была холодной. Во-вторых, бассейн как-то не сочетался с текущим настроением. Борис мог бы окунаться в него по утрам после зарядки, но намеренно лишал себя любого удовольствия — совестливо, хоть и глупо. Из бассейна постоянно пили уличные коты.

Инстаграм-гиды изображали Каш синонимом рая на земле. Их рилсы кишили стандартным набором достопримечательностей: вот центр города с разноцветными домиками и фактурной брускаткой, вот османские веранды, цветущая бугенвиллея, милые, хипстеризированные кафешки, разбросанные по закоулкам, а также обязательный к посещению пляж Капуташ, забитая белоснежными яхтами марина, ну и, конечно, грейпфрутовые закаты над островами — частично турецкими, частично греческими. В каждом гиде обязательно упоминали отреставрированный амфитеатр, изначально построенный в Каше древними греками. Борис с присущей ему въедливостью замечал, что в греческий период город назывался Антифеллосом, а не Кашем. Только в 1852-м году османы переименовали его в Андифли, а уже затем, в 1923-м, место обрело современное название. Впрочем, из всех имён Каш казался Борису наиболее удачным вариантом. С высоты птичьего полёта город действительно напоминал собой kaş — «бровь» по-турецки.

Впервые Борис оказался здесь полтора года назад. Ну, как оказался — его привезла сюда жена, которая следила за трендами и умела организовать путешествие не в пример лучше Бориса. К тому времени он уже подрастерял вкус к жизни и во всём полагался на решения жены. Турция так Турция, Каш так Каш... Всё равно ему нечего было предложить взамен. Если у него и были какие-то желания, то все они крутились

вокруг образов из фильмов или книг. Например, Бориса тянуло в город Мальмё, он хотел увидеть хотя бы краем глаза улицы, по которым расхаживала Сага Норен. Или можно было отправиться в Танжер... Хотя, вряд ли он встретил бы там Адама, Еву и Ясмин Хамдан.

В первый же день Бориса поразил облик города. Он никогда не бывал на побережье Средиземного моря, хотя и понимал, что оно — колыбель цивилизации, настоящий центр мира. Однако, обнаружить подобный пейзаж в Турции Борис не ожидал. Он не раз слышал про курорты «всё включено», свинское поведение соотечественников и обольстительность турок, рынки, контрафактную одежду, специи, кальяны... Прошлое выбрасывало на побережье памяти творчество Таркана или турецкий район Берлина, куда он случайно попал, заблудившись по дороге домой, Месута Озила и не самую приятную атмосферу на стадионе футбольного клуба «Галатасарай» — по крайней мере, по телевизору она выглядела тревожно. И вот, вопреки ожиданиям, Борис действительно оказался в инсталляции рая: море поражало цветом, воздух — запахом, ночи — томной дымкой, едва заметной на фоне звёзд. Каждый вечер Борис шёл в амфитеатр и читал на закате стихотворения какого-нибудь поэта. Иногда ему и самому становилось неловко от подобной пошлости — хотя, знаете, Борис чаще всего списывал подобные сомнения на навязанный ему выпускниками литинститута им. Горького снобизм. Да, Борису нравилось читать стихотворения в амфитеатре на закате; пусть это и выглядело банально, почему он должен был отказываться от удовольствия?

Борис не любил купаться, но ради жены ходил на пляжи каждый день. Борис не любил жару, но ему приходилось потеть на лежаках. Борис больше любил ночи, потому что ночами становилось прохладно, фонари освещали улички Каша насыщенно-жёлтым цветом, кабаны шарились в кустах, коты перебегали дороги. Однако, Борису всё равно казалось, что в отличие от жены он жил как-то неправильно — так что уж лучше было послушать её, исправиться, хотя бы попытаться. А там, глядишь, он наконец научился бы получать удовольствие и от пляжей, и от ритмичной музыки по утрам, и от общения с малознакомыми людьми.

Впрочем, закаты в одном из районов Каша Черчилере были настолько прекрасны, что затмили собой все сомнения и неудобства. Ещё Борису безумно понравился турецкий чай, разливаемый в армуду, он всей душой полюбил экзотический для России kortado и турецкие завтраки. Каш, несмотря на туристичность, обладал огромным количеством уединённых местечек, где можно было курить плохие турецкие сигареты и наблюдать за средиземной вечностью. Уезжая спустя две недели, Борис загадал желание: вот бы вернуться сюда с женой ещё раз.

Спустя полтора года он снова оказался в Каше. Правда, один.

Не желая изменять довоенным привычкам, Борис снял на Airbnb квартиру в Черчилере, чуть правее мечети и теннисного корта, с видом на пляжи Лимангази. До центра Каша нужно было спускаться полчаса пешком по серпантину. Борис стал невольным заложником таксистов, потому что сам прав не имел, к тому же, редко когда возвращался домой трезвым. Вот и сегодня он собирался встретиться с лучшим другом и пропустить с ним несколько стаканчиков ракы. Тем более, появился повод.

Вместо Шакила приехал сын. Борис мысленно прозвал его Шакилом-младшим. Выяснить, почему не приехал отец, Борису не удалось — сын не говорил по-английски. Впрочем, и сам Шакил знал разве что десяток необходимых словечек вроде «stop», «here» и неизменное «my friend».

Сын Шакила выглядел настолько молодо, что Борис усомнился, исполнилось ли ему восемнадцать. Он не переживал бы, но от Байандыра до Каша нужно было ехать по вертлявому серпантину. Впрочем, с этой задачей Шакил-младший справился мастерски — он резво прошёл все повороты и, получив свои сто десять лир, высадил пассажира у отеля Hera. Борис решил прогуляться пешком.

Идейка, конечно, была так себе. До ресторана Naturel он дошёл за шесть минут, так как абсолютно не умел ходить размеренно, вечно куда-то спешил. Naturel считался одним из лучших заведений города наряду с веганским Oburus Momus, здесь подавали европеизированную турецкую кухню, разбавленную привычными для молодого жителя мегаполисов боулами. У «Натуреля» не было помещения для гостей — столики

располагались на улице, в узком проходе между кухней ресторана и антикварным магазинчиком с османскими редкостями. Официант принёс меню, Борис сразу же попросил двойную порцию ракы и предупредил на английском, что еду он закажет позже, когда к нему присоединится друг. Официант кивнул и спустя пару минут поставил перед Борисом уже привычный набор: ахесте с ракы, заиндевелую бутылочку воды Erikli и ведёрко со льдом. Борис влил воду в ракы, понаблюдал, как прозрачный алкоголь превращается в мутный, молочного цвета, коктейль, затем щедро насыпал сверху льда. Мысленно Борис поблагодарил Дурсума, курда из бара неподалёку, который показал ему правильную последовательность действий. Два года назад, оказавшись здесь впервые, Борис опрокидывал ракы шотом и запивал соком.

Друг Гоша всё не появлялся. На соотечественников (а в «Натюреле» обычно сидели сплошь русские) Борис решил долго не смотреть – опасался, что люди примут его за сталкера. Он достал телефон и принял бродить по приложениям. Ракы смазала реальность, Борис втянулся носом воздух и зажмурился от удовольствия. Солнце зашло, жара спала, с моря дул ветерок.

Борису было что отметить. Прошло шесть лет, но он помнил эту сцену до мелочей: как вышел из центрального Буквоеда на Невском Проспекте, как потопал, сутуясь, в ближайшую «Пельмению», как взял себе шесть гёдза и рюмку водки. Ожидая заказа, открыл принесённый подмышкой сборник на третьем по счёту рассказе. «Борис Забелин, “Теперь уже знакомая меланхолия”» – первая его бумажная публикация. Сборник работ выпускников литературной мастерской, которую он тогда посещал.

Втайне Борису казалось, что первая публикация должна стать определяющей. В момент, когда он бросил взгляд на собственную фамилию, его должно было ударить током или бросить в дрожь, жизнь должна была подать какой-нибудь знак, провести ватерлинию от обычного к автору – увы, вкус пельменей остался тем же, водка горчила так же, люди вокруг по-прежнему старались не замечать друг друга, да и вообще – ничего не изменилось, даже изморозь на улице бросилась под

воротник куртки с прежним остервенением. «Ну буквы и буквы» — размышлял Борис, семеня против ветра к метро. — «Такие же, как у других. И рассказ этот я читал уже раз десять...»

Первая прививка от гонки за публикациями оказалась действенной. Конечно, ему по-прежнему хотелось издаваться (не писать же в стол), но придумать рассказ под публикацию, ради публикации — пару раз он поддался соблазну и ничего хорошего из этого не вышло. Борис перестал думать о том, издадут его текст или он покроется пылью в телеграм-канале неизвестным, нечитанным, неоценённым — он просто писал о том, что его волновало, наслаждался процессом, отключаясь на час-другой от действительности.

Как же он был удивлён, когда вслед за равнодушием потянулись предложения опубликовать тексты в журнале, на сайте или в сборнике. Сами потянулись, без дополнительных усилий.

— Ага, бухаешь уже! — услышал Борис наигранно-грозный тон Гоши.

Борис поднялся. Друзья обнялись. Они ездили вместе в Дагестан и не виделись всего несколько недель, но уже успели друг по другу соскучиться — что, по давней традиции, выражалось прежде всего в желании прибухнуть. Гоша, с прищуром изучив меню, остановился на стакане пива и сибасе на гриле. Борис заказал ягнёнка с пюре и, видимо, охотничий пирог. По крайней мере, в меню он назывался «Hunter's pastry».

— Чего опоздал? — спросил Борис, приканчивая порцию ракы.

— Шакил этот твой не приезжал никак, вот чего.

— За тобой тоже сын приехал? Ща, подожди... May I ask you to repeat raki? Thank you.

Официант подхватил пустой стакан и ведёрко со льдом. Гоша проводил его взглядом.

— Ага, сын. По-моему, ему лет пятнадцать. Как ты вообще пьёшь это говно?

Борис хмыкнул.

— Соединяясь с водой, ракы мутнеет из-за осадка белых эфирных масел аниса. Турки называют его «левиным молоком». От ракы офигенное опьянение. Мягкое такое, расслабляющее — но тебя, в отличие от других напитков, не размазывает, чувствуешь себя бодрым. А ко вкусу быстро привыкаешь. Начинает даже нравиться.

— Ну хз. Я уж лучше пивка вот дёрну. — сказал Гоша, поднимая только что принесённый бокал.

Борис быстро замешал новую порцию. Чокнулись.

— Знаешь, Гош... Мелочная мыслишка, но всё же... Как хорошо было ездить на Яндекс.Такси, а не писать в WhatsApp водителю и ждать его полчаса. Или как легко можно было вызвать Самокат и через пятнадцать минут раскладывать продукты. А ещё меня так удивляли грязные улицы Стамбула после вылизанного центра Москвы... Но всё же стоит признать, что этот комфорт обеспечивался тысячами бедняков и мигрантов, которых многие принижали до уровня функций.

— Тебе бы это... поесть, Борь.

— Да знаю я, что уже поддал. Но всё же, смотри: из-за избыточной ковидной смертности, мобилизации и того, что Пряников называет в своём телеграм канале «великим исходом», правительство по-любому начнёт завозить больше мигрантов.

— Завозить-то они может и решат, да не каждый мигрант к нам поедет. Узбеки теперь сдают квартиры москвичам за \$1000 в Ташкенте.

— Это да, но если посмотреть шире... Это же натурально обмен населением в формате «миллионы на миллионы»! Это как бы новое великое переселение народов, понимаешь? Легализованному таджику в России становится в каком-то смысле безопаснее, чем запаснику-москвичу. И те люди, что хихикали раньше над именами приезжающих таксистов, теперь ходят по улицам их городов, с удивлением понимая, что совершенно не интересовались жизнью за пределами первого-второго мира. И что не все наши предыдущие отношения были справедливы.

— Ты идеализируешь. Похер им. Большинству... Это что за рулет такой принесли?

— Охотничий пирог. Хотя похоже на жареный ролл какой-то. Угощайся.

— Борис запихнул кусок в рот и продолжил, не дожевав. — Говорят, нам не хватает хоть какого-нибудь лучика света. Так вот же он, этот лучик!

Борьба с атомизацией. Умение рассмотреть человека в курьере, дворнике или, не знаю, в хипстере из Москвы — признак добросовестного человека. Теперь этот скайл становится важной частичкой надежды, понимаешь?

— Знаешь, что я понимаю? То, что стелишь ты дай бог, когда пьяный.

Редакторский блок у него, конечно. Пиздишь как Троцкий...

Борис глотнул ещё ракы, посмотрел вдаль и закончил:

— Народам, чья власть не считает собственных граждан за полноценных людей, очень важно оставаться взаимно эмпатичными.

Помолчали. Принесли еду. Борис, не жуя толком, проглотил и пюре, и ягнёнка, ожидая, что его слегка отпустит. Надо же, две двойных — и такой эффект... Гоша допил пиво, но брать второе не спешил.

Борис с Гошей познакомились на первом курсе университета. Как и любая большая дружба, их знакомство началось с конфликта.

Преподаватель истории Древней Руси первым делом расспросил, кто где учился до университета. Гоша, одетый по случаю первого сентября в лоснящуюся рубашку лососевого цвета, с неприкрытым гордостью назвал номер престижного гуманитарного лицея. Окраинная школа Бориса ничем особо не славилась, его ответ встретили равнодушным молчанием. Довольно быстро очередь дошла до мальчика Миши, поступившего в город из шуйского села.

— По-любому сейчас скажет, что он учился в первой школе. — Гоша подмигнул Борису. — Знаешь почему? Потому что у них там в принципе одна школа.

Когда Миша произнёс «Я из первой школы», Гоша засмеялся. Вся группа повернулась в его сторону. Он тут же принял серьёзный вид и спросил:

— Три класса закончил?

— Почему три? — недоумённо отозвался паренёк.

— Так деревенская же!

Вся группа засмеялась, преподаватель тоже не сдержал улыбки. «Ну и мудила...» — подумал Борис про Гошу и решил больше никогда с ним не общаться.

Уже позднее, когда их стали именовать не иначе как «дружками не разлей вода», Борис понял, что Гоша подшучил над пареньком совершенно беззлобно — так, подколол скорее... Гошина непосредственность в подобных вопросах и его колкость выгодно дополняли постоянно сомневающегося и нерешительного Борю, тяготевшего к перепроверке и ревизии всего. Отъезд в Стамбул был, по сути, максимально контрастным событием — Борис сорвался одним днём, не успев оформить даже простейших доверенностей, а Гоша, отбросив панику и авантюризм, сдал квартиру в Иваново, подписал все необходимые документы, помог собраться жене и дочке, купил дешёвый тур в Аланию и просто не полетел обратно, сэкономив тем самым не только кучу денег, но и довольно изрядное количество нервов. Пробыв в Алании пару недель, они решили переехать в Каш поближе к Борису, скучковаться — и это стремление тоже сильно походило на поведение мигрантов из Средней Азии. По законам жанра, они должны были снять вместе тесную квартирку и жить там вчетвером, но Борис от этой идеи отказался. Всё-таки, он никогда не жил с трёхлетним ребёнком и подозревал, что дочка Гоши будет будить его рано утром беготней или криками, а Борис, не столько мстя, сколько восполняя вселенское равновесие, будил бы дочку поздними возвращениями. На ум тут же приходили старые анекдоты (или, как их называла нынешняя молодёжь, *анеки*) про студента, профессора и тяжёлые ботинки.

— Бросай второй, сволочь, заснуть не могу! — процитировал вслух Борис.

— Чего? Ты залип чтоли? — удивился Гоша — Пошли-ка погуляем.
Проветришься. Да и дорого тут, в конце концов.

Друзья расплатились. Борис, рассщедрившись от ракы, оставил пятьдесят лир чаевых.

— Пошли, покажу тебе секретное место. Никого ещё туда не водил. В прошлый приезд на него наткнулся.

Друзья выбрались на площадь Ататюрка и свернули налево.

— Оно далеко? — спросил Гоша.

— Да нет, минуты три пешком. За Loop'ом.

— Где-где? — ухмыльнулся Гоша.

— За Loop'ом. — повторил Борис, пытаясь оставаться серьёзным.

Из переулка слева от них грохотала музыка.

— Хотя знаешь что... Заглянем в Meow. Ну, просто посмотрим, что там.

Гоша спорить не стал. Meow считался первым экспатским баром Каша, филиалом одноимённого московского заведения. В баре играл диджей и наливали коктейли за шестьсот рублей. По давней московской традиции, в популярном баре моментально выстраивались очереди. Народу было столько, что Гоша с Борисом не смогли даже протиснуться внутрь. Они безрезультатно покрутились у входа и вернулись к набережной.

— Вчера в «Мяу» разливала коктейли эта... Ирина Чеснокова. — сказал Борис. — Знаешь её? Вела какое-то известное шоу на Ютубе. Вроде так и называлось... «В гостях у Ирины Чесноковой», что ли?

— Монеточку с Витей БЦХ видели недавно в Стамбуле. Сидели в кафе за соседним столиком.

— А Найк Борзов на днях ждал, пока ему приготовят дурум в кафешке по дороге к амфитеатру. Интересно это всё. Не звёзды первой величины, конечно, но... Почему мы не видели их в Москве или Петербурге?

— Погоди, кого мы ещё только не увидим на этих улицах. Очко будешь протирать от удивления. Это, что ли, Loop?

Они дошли до ночного клуба. Музыка из него смешивалась с диджей-сетом из Meow, образуя невыносимую какофонию.

— Зайдём? — спросил Гоша.

— Не, там музыка старая и вообще не наша тема. Пошли в секретное место, говорю. Там кайф. Только в магазин за пивом свернём. И воды надо купить. А то голова будет трещать завтра.

Секретное место располагалось чуть дальше, за одной из ликийских гробниц.

— Тут вот осторожнее, фонариком подсвети. Поскользнясь — улетишь на рифы в море. — подсказал Борис.

Они спустились по тропинке на камень с плоской поверхностью, торчащий прямо из воды. Напротив мигал красным фонарём маяк. Доносилась клубная музыка из Loop'a, но она лишь подчёркивала плеск волн и всеобщее умиротворение.

Они достали из пакета пиво.

— У меня сегодня небольшая дата. Шесть лет с момента первой публикации. — признался Борис.

— Поздравляю. А книжка когда выйдет?

— Обещают в декабре. Ну это неважно.

— В смысле неважно?

— Я знаешь что понял за тридцать лет? — Борис повернулся и посмотрел на Гошу. — Жизнь всегда с лёгкостью даёт тебе то, что ты уже расхотел. После первого путешествия я мечтал вернуться в Каш... И вот, вернулся. И ничем не могу тут наслаждаться! А знаешь чего я боюсь больше всего? Что эти ужасные впечатления затрут счастье, что я увёз отсюда в прошлый раз. И Каш навсегда теперь запомнится мне городом раздрай.

— Раздрай, говоришь...

— Я ведь и жил последние годы по этому принципу. Вместо того, чтобы чего-нибудь желать, я старался перебороть это желание, расхотеть. И у меня получалось. Не всегда, но получалось.

— Не знаю. По-моему, травма какая-то. Нет ничего постыдного в желании. И в старании достичь желаемого. Это нормально.

— Нормально, да. И это травма, да. Но я её прикрываю. Вот так, как пластирем. — Борис приложил руку с бутылкой к груди и пролил пиво на толстовку. — Бля... В общем, не заживает эта травма, Гошан. Вот я сегодня одевался в комнате в единственные штаны, — Борис хлопнул себя по ляшке. — И подумал: сейчас спущусь в центр города, закажу в честь шестилетия своей писательской жизни стаканчик ракы и поразмышляю: что именно мне придётся расхотеть в этот раз, чтобы жизнь всё же прочертила белую полосу?

— А тебе не кажется, что ты излишне драматизируешь, Борь? Точнее, любуешься собой.

— Чего? — не понял Борис.

— Ну, сидишь такой подбуханный на камне, смотришь на маяк. Любуешься собой со стороны, оцениваешь — похож ты на литературных героев или пока не до конца похож? Ну, типа, Хемингуэй ты или этот, турок, про которого ты постоянно рассказываешь... Как его?

— Памук...

— Точно, Памук. Ты же сам рассказывал, что его герои постоянно пьют ракы. И ты, кстати, начал пить эту ссанину именно после его книги. Не потому что она тебе нравится, а потому что она приближает тебя к романтическому образу из книжек. И речи эти длинные... Ты чё, заранее их готовишь, дома репетируешь? Не целиком, конечно, а так, отдельные обороты, вроде «жизнь всё же прочертит белую полосу». Сидишь тут, задвигаешь, не чвякая, не хуякая, как по бумажке читаешь. Тебе ещё, наверное, кажется, что у тебя глаза поволокой застилает такой романтичной, как в фильмах.

— Да иди ты нахуй... — перебил его Борис, понимая, что Гоша в целом прав.

— Без обид, Борь. Просто белые полосы чертит не жизнь, а кокаиновые наркоманы. Неудачная метафора. И ещё ты постоянно загоняешься. Смотри, ты работаешь удалённо, сидишь на берегу пиздец какого красивого моря. Ты относительно молод, ты привлекателен. Но при этом гнобишь себя нон-стопом.

— Ладно, всё, прекрати, я не люблю, когда мне делают комплименты. И когда ругают, тоже не люблю. Я сам себя ругаю постоянно, мне хватает.

— Как скажешь.

Замолчали.

— Рад, что ты приехал, Гошан. — Борис приобнял друга. — И за правду спасибо. Пусть и не всегда приятную. Знаешь, что ещё напрягает, если честно? Говорим весь вечер только обо мне. А ты?

— А чего я? Каждое утро начинаю с бокала вины... Тоже так себе метафора, да? Или это не метафора? Ладно, не суть. Я не писатель, в конце концов. Сегодня, знаешь, вышел на улицу в шортах... В октябре. Пошёл, искупался в море. И мне прямо понравилось.

— А ты думал, почему уехал? Ну, кроме очевидного страха.

— Да мы с Ленкой и так собирались на зиму в тепло уехать. Не буду отрицать, что все эти события подтолкнули нас, но всё же... Не знаю. Я поэтому и приехал позже. Нормально собрались, квартиру сдали, доверенности оставили. Да и тебе надо было так же поступить. А то, вон, сейчас пиво на штаны прольёшь — и всё, будешь дома сидеть. Не в трусах же тебе по городу бегать.

Борис ухмыльнулся.

— Ладно. Красиво тут, в твоём секретном месте. Но мне уже пора, завтра Леська встанет утром, разбудит. Я обещал уйти ненадолго. В следующий раз погудим. Да и в туалет хочется. В море ссать не буду.

— Поддерживаю такое решение. Заберёшь бутылки?

— А ты чего?

— А я ещё посижу, покурю. Мне всё равно на такси.

— Или в Loop пойдёшь, самооценку поднимать? После нашего разговора.

— Гоша прищурился — Ладно, шутка. Хотя в каждой шутке... Давай, звони завтра, как освободишься.

Гоша, чертыхаясь, покарабкался по склизкой тропинке наверх.

— А знаешь, что удивительно, — сказал Борис, обернувшись вслед Гоше — Здесь мы стараемся вести себя максимально прилично, потому что не хотим показаться обнаглевшими мигрантами, а дома поссали бы вон в тех кустах, что растут напротив, и не моргнули бы.

Гоша хмыкнул, обходя ликийскую гробницу.

— Получается, в гостях надо вести себя прилично, а дома — плевать? Конечно, можно сказать, что в России никогда не чувствуешь что-то своим. Всё вокруг чужое. Ну так и тут всё чужое. Но к этому чужому с трепетом, а к тому чужому... Хотя ладно, чего это я. Понятно же, что мы просто боимся, что нас выгонят из страны.

Борис затих, ожидая ответа, но Гоша уже растворился в тенях, танцующих по склонам окружающих холмов. Борис отмахнулся от собственных мыслей и поднялся. В Loop, значит. Или в Meow? Поднимать самооценку...

Отражение в луже. Ночной пост №4

Когда проза вырастает из хобби в смысл жизни, она неизменно проникает в нелитературные сферы — вопреки здравому смыслу руководит желаниями и мотивами, образом будущего и восприятием прошлого; словно половодье, она занимает всё больше пространства — нет-нет, да понимаешь, что ещё немного, и обнаружишь себя помешанным, станешь юродивым, слоняющимся по далёким от литературы компаниям с помутнённым взглядом. Алкогольные напитки, разговоры по душам, стиль в одежде — всё ссылается на любимых авторов и романы. Закусив губы, стараешься проникнуть в художественный мир, которым пленён с детства — вытоптанная тропинка эскапизма, наивная и нереальная, но такая притягательная... такая, что захлёбываешься, набирая собственный текст.

Прилетая первый раз жизни в Стамбул, я уже знал, что меня ждёт: Нишанташи, Шишли, Бейоглу, лавка Алладина и полуразрушенные османские особняки, газеты, летающие по пустынным улочкам перед рассветом, курящие в чайных турки — мир хюзюна, взращённый великим Орханом Памуком, становился моим миром, и даже если реальность

сильно расходилась со Стамбулом семидесятых, я делал вид, что этого не замечаю. У меня появился шанс попасть во вселенную, которую я познавал, впиваясь в строки тёмными ночами, под одеялом на Аптекарском проспекте, в дагестанском ауле или на холме городка Каш, ещё в первый мой визит, до войны, когда незнакомая страна напоминала почву, на которой Памук возводил фундамент моей Турции – писателя-студента Забелина из города Иваново, который в детстве даже представить не мог, что наяву окажется в подобных декорациях.

Шестьдесят дней безвизового пребывания сочатся, словно песок сквозь пальцы, близится время очередного непростого решения – куда уезжать, куда тащить свой чемоданчик, где находить новый краткосрочный приют. Сербия, Венгрия, Грузия – тут же возникают портреты и обложки, тут же вспоминаются абзацы из произведений. Я не знаю, что я выберу в итоге, я не знаю, каким окажется моё новое реальное пристанище – знаю лишь, что я так и продолжу приезжать в гости к Ласло Краснахоркаи и Милораду Павичу, Ярославу Гашеку и Хулио Кортасару, Титу Пхумисаку, да и кто знает – быть может, доберусь и до миров Ёка Тавада или Ху Бо.

Пусть это глупо, пусть это наивно, но прозаики и поэты столетиями выстраивали эфемерный мир, в котором нескучно и томно жить. Благодаря им грязные улицы и прокуренные переулки обретают красоту, благодаря им скромный музикальный вечер на окраине Таиланда наполняется магической силой, благодаря им, идя под дождём по пустынному проспекту, чувствуешь себя счастливым – капли стекают по лицу, юркают за воротник, и ты собираешь слова, изо всех сил стараясь удержать их в голове хотя бы на десять минут, чтобы записать дома, зафиксировать, выложить на сайт или в телеграм-канал – читайте, любая окраина теперь – сцена театра, а мы, любители драм и диалогов, превращаемся в героев, которыми хотели стать в свои семнадцать.

X

В Meow по-прежнему было полно народа. Борис терпеливо выстоял очередь к стойке, хотя уже хотел в туалет.

— Два негрони, пожалуйста. И я сразу заплачу кешэм.

Первый коктейль Борис выпил залпом, второй прикончил, копаясь в телефоне. Орала музыка, люди дёргались вокруг пульта. Два парня забрались на стойку диджея с ногами. Они демонстрировали «козу» и кричали что-то в микрофон, разогревая толпу. «Пир во время чумы, блядь...» — подумал Борис, но тут же сам себя осадил. Большинство окружающих пытались казаться расслабленными, но не расслаблялись на самом деле. Они просто безрезультатно пытались забыться в другой реальности.

Бармены в поте лица трясли шейкерами.

Крутя бокал в руке, Борис размышлял, как мужчины знакомятся с девушками. Жизнь обратно не отмотаешь — так уж вышло, что он влюбился в будущую жену на втором курсе университета и прожил с ней долгих десять лет. Когда Борис озвучивал этот срок, окружающие пучили глаза. Борис пропустил появление «Тиндера» и Pure, всё это время он редко с кем-то флиртовал, да и вообще слабо представлял, что нужно делать в подобного рода искусственных ситуациях. Борису всегда казалось, что романтические истории начинаются сами собой: вот вы пересекаетесь на работе или в кругу общих знакомых, разговариваете, либо вынуждены что-то делать вместе... Незаметно для обоих просыпается симпатия, которая постепенно перерастает в тягу, тяга — во влечение, и так далее. Но от коллег или знакомых он слышал, что так везёт далеко не всегда. Люди, оказывается, стараются познакомиться и очаровать собеседника. Некоторые даже манипулируют, учат какие-то специальные приёмы...

Борис допил второй «Негрони». Мочевой пузырь напомнил о своём существовании парой спазмов. Пришлось оставить место у стойки бара, хотя в нём всё равно не было никакого толку. Люди лезли на Бориса со всех сторон, толкали его в спину, словно на рок-концерте, и единственное, что интересовало каждого из них — внимание бармена, готового выслушать заказ.

Но у стойки было и несомненное преимущество — Борис мог заказать себе ещё что-то, не выстаивая каждый раз в очереди. Когда он вернулся,

никто уже не собирался пускать его обратно. Борис покрутился туда-сюда, уворачиваясь от танцующих вокруг людей. Воздуха не хватало. Борис огляделся и наткнулся взглядом на девушку у другого конца барной стойки. Он видел её в «Мяу» уже несколько раз, даже встречал её посты в «Интересном» «Инстаграма». Учительница английского, читающая Набокова, Довлатова и Булгакова; девушка, на чьей полке Борис заметил сборник прозы Дмитрия Кудрова, в своё время практически незамеченный критикой. Но дело заключалось, конечно, не в Набокове и не в Кудрове, а в волнистых волосах, спадающих практически до лопаток, россыпи родинок на чётко очерченных ключицах, точёной талии и сдержанно-красном, аккуратном маникюре. Этого было достаточно, чтобы запомнить её и узнать.

«Ну вот подойду я сейчас как идиот...» — подумал Борис — «Что-то скажу. С чего-то начну разговор. Ещё и при куче чужих людей. Идиотизм».

Борис подумал, что это довольно удивительная ситуация: он, человек, который практически ежедневно сочиняет истории, не может начать разговор, буквально не способен написать первое предложение.

— Ну и очереди тут, до утра ничего не закажешь. — сказал кто-то рядом с ним.

Борис повернул голову и увидел девушку в шляпе. «Фу, шляпа с широкими полями» — чуть не ляпнул он, но сдержался. Сама девушка выглядела настолько нейтрально, что Борису не за что было даже зацепиться.

— По-моему, проще взять «Бомонти» в магазине и вернуться сюда как ни в чём не бывало.

Девушка засмеялась.

— На самом деле, классная идея!

— Так пошли, толку тут мариноваться. — вырвалось у Бориса.

— Вообще я с подругой...

— Ну и подругу зови, почему нет. Встретимся у магазина.

Магазин с алкоголем располагался прямо за памятником Ататюрку. Продавали там решительно всё: от местного пива до неадекватно дорогого импортного виски. Борис купил четыре «Бомонти» и два «Эфеса», жёлтый Camel и мятную жвачку. Он снова расплатился наличными — недавно ходил в местный коворкинг, обменял там USDT на лиры. Карточку Борис решил не заводить — не хотел тратить нервы на общение с турками и вносить депозит.

На выходе его ждала девушка из бара.

— Подруга не пойдёт. У неё там... Она ждёт знакомых в баре.

Борис пожал плечами, затем ещё и покивал головой, чтобы не показаться равнодушным. Девушку звали Алиной, она приехала в отпуск из Чебоксар. Когда они вернулись к «Мяу», какофония на улице достигла предела — Дурсум, любезно предоставивший русскому бару веранду своего заведения «Ally's», включил футбольную трансляцию. Борис предложил Алине посидеть на аллее возле секретного места, где было несравненно тише, нежели здесь. И она снова согласилась.

По дороге они более-менее разговорились. Алина работала флористом по самозанятости, собирала букеты на свадьбы и мероприятия. Бориса приятно удивило, что она знает бугенвиллею. Сам Борис не то чтобы соврал... Скорее, умолчал о том, что он пишет прозу. Вкратце рассказал о работе менеджером в компании по подбору персонала, стараясь не упоминать, что компания имеет отношение к ИТ. Судя по лицу Алины, профессия Бориса её не заинтересовала. «Ну и славно» — решил он.

На аллее сидели три поддатых турка и о чём-то оживлённо спорили. Несмотря на то, что остальные лавки были свободными, атмосфера спора не располагала к разумной беседе; к тому же, Борис заметил, что Алина поёжилась. «Боится турок» — понял он и предложил спуститься к воде, сесть на камни напротив маяка. «Это моё любимое место в Каше» — объяснил Борис и тут же себя отругал: сдаёт дорогие сердцу места первой встречной.

Спрятав на валун, Борис подал ей руку. Она вцепилась в его ладонь пальцами. Борис попытался посмотреть на Алину с симпатией.

Неожиданно оказалось, что крышка у пива не отворачивалась. Борис решил подняться на аллею и открыть пиво об лавку, но Алина попросила посветить ей в сумку фонариком — у неё с собой оказался штопор. «Как бы она мне этим штопором глаза не выковыряла...» — подумал Борис, держа телефон над бездной женской сумки. Алина, копаясь, то и дело доставала сложенные вчетверо тетрадные листки.

— Вот он! — победно заявила Алина.

Борис забрал у неё складной штопор с открывашкой.

— Что это у тебя за листочки?

— Мы с подругой решили писать друг другу бумажные письма. Знаешь, как в детстве... С фломастерами, рисунками и всяким таким.

— Прекрасно знаю! Каждое лето меня отправляли к бабушке в деревню. Мы обменивались с мамой исключительно письмами.

Повисло неловкое молчание. Бориса раздражала покорность Алины. Пошла с первым встречным человеком в тёмное незнакомое место у воды. Пьёт из бутылки, которую ей дали. Даже этикетку толком не изучила...

— Красиво здесь. Романтично. — нарушила молчание Алина.

— Ага.

Не зная, куда деть руки, Борис закурил.

— Можно мне тоже?

Он протянул ей пачку. Алина попыталась достать сигарету, но ей никак не удавалось подцепить длинными ногтями фильтр. Борис плавно притянул пачку к себе, потряс, подхватил выпрыгнувшую сигарету. Достал зажигалку. Алина с сигаретой в губах наклонилась слишком низко, выдавая в себе неопытную курильщицу. Сейчас он щёлкнет — и девчонка попрощается с бровями... Но Борис немного опустил зажигалку. В свете от пламени он только сейчас заметил, что Алина пришла к нему без шляпы.

Она выпустила дым, не затянувшись. Борис сделал три больших глотка «Бомонти» и подождал. Лицо онемело, кровь разнесла тепло по телу.

— У меня в России остался приятель-валлиец, он рассказывал про одну любопытную британскую метафору. — произнёс Борис, смотря на мигающий маяк. — Ты знаешь английский?

Алина виновато улыбнулась.

— Да и неважно. «Blindsight». Так называют слепую зону у камер наблюдения. Небольшая площадка где-нибудь в тени или за углом. Так вот. Если представить себе, что это не физическое место, а часть карты твоего сознания, то в этом блайндспоте обычно скрывается реальное положение вещей. Оно как бы скрыто вуалью. Знаешь, только вуаль соткана не из ниток, а из оправданий и ложных надежд.

Борис посмотрел на Алину. «Блин, интересно, это уже менсплейнинг или нет?» — подумал он, но всё же решил объяснить попроще:

— Приведу пример. В блайндспоте может скрываться ужасное чувство юмора. Допустим, девять из десяти шуток моего бывшего коллеги не попадали в цель, но люди всегда хихикали из вежливости, не желая обижать хорошего человека. Думаю, он до сих пор не догадывается, что ужасно шутит. Или вот ещё. Металлисту в футболке «Slayer» и косухе кажется, что он крутой и рутовый, а на деле он — динозавр. Понимаешь?

Алина кивнула.

— Иногда я остаюсь в тишине и задумываюсь: а что хранит моя слепая зона? Ведь разглядеть её самостоятельно очень сложно. Тебе не расскажут о ней родные и близкие, понимаешь? Вот я считаю себя романтиком — а вдруг я на самом деле нытик? Или интеллектуалы — их же многие избегают на вечеринках, обзывают душниками. Можно сколько угодно гадать, переживать и сомневаться. А можно забить и жить в выдуманной реальности. Но я всё равно нет-нет да хочу заглянуть в слепую зону, посмотреть на себя со стороны.

— А надо смотреть? Главное же то, как ты себя чувствуешь... — возразила Алина.

Он заметил, что она допила первую бутылку и уже открыла вторую. Борис решил не отставать, прикончил «Бомонти». Отвернувшись, чтобы поставить бутылку в пакет, он незаметно разорвал в кармане джинс мятную жвачку, вытащил сразу три подушечки, закинул их в рот и разжевал.

— Можно ещё сигарету? — спросила Алина.

Борис отдал ей пачку, чтобы не сбиваться с мысли.

— Желание заглянуть в этот блайндспот одновременно притягательное и опасное. Далеко не всем понравится увиденное, оно способно не просто дать пощёчину — оно может ударить тебя под ребра ножом. Или, вон, ткнуть в глаз твоим штопором.

Алина рассмеялась. Борис повернулся, подсел поближе и с жаром продолжил:

— Но в этом приближении к запретному, малопознаваемому, тоже есть наслаждение! Оно подобно саспенсу в нуарной драме. Знаешь, как это? Ты прикуриваешь сигарету, воздух вокруг гудит, тучи сгущаются, фонарь вдалеке освещает аллею — а за ним, там, в темноте кустарника, под ликийской гробницей, таится правда, узнать которую опасно...

Борис заметил, что Алина отвела руку с сигаретой в сторону и смотрит на него, щурясь от вертлявого дыма.

«Ноль рефлексии, Боря!» — приказал он себе и завершил:

— Я достаточно смел, чтобы заглянуть в этот блайндспот. Знаешь, что там? Я вообще не умею знакомиться с девушками. Я никогда не знакомлюсь первый. Никого никуда не приглашаю. Но тебя сегодня почему-то пригласил. Не знаю, что на меня нашло. Я вообще не увереный в себе, нервный человек. Но сейчас я... (Борис намеренно сделал паузу и проверил, не покраснел ли от стыда)... Сейчас я тебя поцелую.

Он тоже отвёл сигарету в сторону, наклонился к Алине и поцеловал её в губы.

В голове мелькнула паническая мысль: «Она не отвечает!».

Но спустя мгновение Алина раскрыла губы, ответила. Поцелуй получился приятным, но ужасно непривычным. Это были другие губы. Это была девушка, которая целовалась иначе.

«Ну ты и сволочь! Так обманывать человека!» — завопила внутри совесть.

Борис оторвался от Алины и повернулся в сторону моря. В голове заслышались мысли:

«И она тоже хороша, чего она такая послушная? Ей вообще понравилось? Сидит как в ступоре. А если не ожидала такого развития событий, если это перебор, то зачем ответила? И чего она тогда не уходит? А если...»

— Что ж... — нарушила молчание Алина. — Давай поцелуемся ещё раз.

Они целовались достаточно долго. Всё это время Борис думал, что делать дальше. Судя по всему, нужно было просто позвать Алину к себе, сославшись на закрытый уже магазин (он был открыт) и наличие у него на балконе пары бутылок вина (он запасся ими заранее). Но одновременно с этим Борис понимал, что его мозг до сих пор не отключился, пелена стыда за всё происходящее на свете никуда не исчезла, да и вообще...

Они устали. Алина смущённо отвернулась.

— Ты жуешь мятушную жвачку. Так нечестно.

— У тебя вкусная помада. — ответил Борис и не выдержал. — Какой ужас! Ту же самую фразу я слышал от друга пятнадцать лет назад.

Алина встрепенулась, бросила на него взгляд. Борис достал из кармана разодранную пачку жвачки и отдал ей. На камни с лёгкими щелчками выпали несколько подушечек. Алина, ойкнув, попыталась их поймать. Борис махнул рукой. Забей, мол, там ещё хватит.

— Так что с помадой, я не поняла?

— А... Глупая ситуация. Представь: мне пятнадцать, я сижу на лавке у панельной высотки. На улице уже стемнело. Мой кореш Лёха целуется с девочкой. А её подруга, с которой я переписываюсь уже две недели по смс, не вышла из дома. Якобы её не отпустили родители. И я сижу в

метре от этой парочки и мне дико стрёмно, потому что я чувствую себя полным неудачником. А он ещё воркует ей что-то вроде «как вкусно, это что, клубника?», а она отвечает, что да, помада такая специальная... Или ещё какая-то ерунда, уже не помню. Очень хочется уйти домой, но я сижу и жду. Потому что у Лёхи в кармане куртки две сигареты.

Алина снова рассмеялась. Она сделала какое-то неопределённое движение в сторону Бориса и он, не особо даже осознав этот шаг, обнял и прижал Алину к себе.

– И чем в итоге всё закончилось?

Борис по памяти озвучил концовку одного из первых коротких рассказов:

– Девочка Таня так и не пойдёт со мной гулять. В 2010-м Лёху закроют на четыре с половиной года строгого за торговлю наркотиками. Но пока на улице май, мы сидим у высотки за районным кинотеатром и кажется, что неслучившийся физический контакт – главная трагедия моей ещё не начавшейся жизни.

Алина повернулась, проведя щекой по его плечу.

– Ты что, какую-то историю заучил и мне её сейчас рассказываешь?

– Что-то вроде того. Ты замёрзла?

– Немного.

– Пойдём ко мне? Из горячих напитков в меню чай, а из горячительных – вино. Правда, я живу в Черчи...

– Можно тоже рассказать тебе историю? – перебила его Алина, при этом не пытаясь отстраниться.

– Конечно.

– Письма, про которые ты спрашивал. Мне их пишет не подруга.

– Вот как...

Борис ощущал, как с души у него покатился валун.

— Парень?

— Нет, в смысле, это девушка... Просто она мне не подруга. Знаешь, как это...

Борис постарался как можно быстрее подхватить диалог, чтобы Алина не захлебнулась собственным признанием.

— Ты любишь эту девушку. Так?

— Кажется... Да.

Борис погладил Алину по плечу.

— Мы пытались, у нас как-то плохо всё получалось... И я подумала, может, это всё надуманное... Может, просто не нашлось хорошего парня. И я подумала, что раз я тут... Сюда приехало так много одиноких парней.

Борис беззлобно ухмыльнулся.

— Это да. Одиноких парней тут сейчас полно.

Борис почувствовал через толстовку, как его плечо чуть намокает. Судя по всему, Алина плакала.

— Два месяца назад я расстался с женой. Мы прожили вместе десять лет.

Борис попытался различить на небе хоть одно созвездие. Алина плакала, плечо промокло насеквоздь. «Женские слёзы на плече» — подумал Борис — «Приятное ощущение. Особенно, когда знаешь, что ни в чём не виноват».

— Прости. Залила тебе одежду соплями. Сейчас, у меня салфетки с собой.

Алина выскользнула из-под его руки и сунула руку в сумку.

— Брось. Всё в порядке. Пойдём, уже холодно и поздно. Я провожу тебя домой.

— Где ты живёшь?

— Недалеко от Ликия-парка.

— Только пойдём не по набережной, а параллельно, по другой улице.

— Тебя кто-то может заметить?

— Нет. Просто меня расстраивает набережная.

— Почему расстраивает? — спросила Алина, когда они выбрались на площадь, служившую жителям Каша транспортной развязкой.

— Там всё заставлено лодками, катерами. Понятное дело, турки хорошо зарабатывают, но в морском городе по сути нет набережной.

Представляешь, как было бы красиво без лодочной пристани? Да ещё и заведения эти вроде «Посейдона»... Сейчас пойдёшь мимо — там караоке орёт...

— Всё-таки ты немного душнила. — улыбнулась Алина.

— А у тебя шляпа ужасная!

— Это не моя, это подружкина!

— Ну конечно...

— Она попросила подержать, когда в туалет ушла! А у меня же не сто рук!

— Я рад, что ты развеселилась.

Борис взял Алину за руку и показал, что им пора поворачивать направо.

— Почему ты развёлся с женой?

Издалека доносились эхо припозднившегося караоке.

— В конечном счёте мы просто разлюбили друг друга.

Борис подумал, что скоро караоке утихомирит полиция. Турки ревностно соблюдают закон о тишине.

— Смысл терпеть и мучаться? Не хочу превращаться в мужика, который орёт на жену где-нибудь в торговом центре.

Дорога пошла в гору. Дышать и говорить одновременно стало тяжелее.

— А как ты понял? Что разлюбил. Извини, если лезу не в своё дело. Просто я рассказала тебе очень лич...

— Всё нормально. — остановил её Борис — Я отвечу. Пару лет назад я начал влюбляться в другую девушку. Испугался, задавил в себе это чувство. Потом стал надолго уезжать из дома, использовал любой повод. Проверял, скучаю или не скучаю? И вроде бы скучал... Но оказался не в силах отличить привычку от любви.

— Почти пришли. Ну и горка. С ума сойти.

Борис отдохнул на перекрёстке.

— Знаешь, если бы я любил её, я бы сейчас не сидел в Каше. Я бы, наверное, пытался что-нибудь исправить.

Он осмотрелся.

— Мне сюда, направо. — сказала Алина — Тут уже недалеко, я дойду.

Борис кивнул.

— Ладно. Я тогда обратно. Мне пешком в Черчилер. Такси уже не ездят.

Алина придержала его за рукав.

— Ты классный! Спасибо тебе за этот вечер. Просто так получилось...

— Не оправдывайся. Открой лучше телеграм и дай телефон на секундочку.

Алина достала смартфон и тапнула по приложению. Борис нашёл свой аккаунт в поиске и отправил эмодзи-конвертик.

— Спокойной ночи, Алина. — сказал он, возвращая телефон. — И хорошего тебе отпуска, несмотря ни на что. Придёт время и я напишу тебе письмо.

XI

Здравствуй, Алина!

Пишу тебе буквально на коленке из аэропорта Антальи, ожидая рейс в Тбилиси. Вот наконец-то нашлось время сесть и обстоятельно всё расписать, пусть и в неожиданной обстановке.

Как ты, может быть, помнишь из предыдущего письма, я собирался поехать на пару недель в Белград, но по ряду обстоятельств поездка не сложилась (об этом долго писать не буду, надеюсь, расскажу при встрече). Билеты пришлось брать практически на лету, собирать в спешке чемоданы, выводить и обменивать деньги... в общем, нервов потратил море – не такое большое, конечно, как Средиземное, но за горизонт оно простиравшись. Только ты не переживай, сейчас мне уже полегче. В груди теплится надежда, что жизнь вслед за нервотрёпкой сжалится и подарит хотя бы несколько дней спокойствия.

Лучше напиши мне, как ты поживаешь?

Дорога у меня не самая простая: сначала пять часов от городка, где я жил, до аэропорта, потом четыре часа ожидания в терминале, а впереди ещё ночной перелёт и путь до гостиницы. В общем, времени подумать хватает. Через эти раздумья я добрёл до очень старого, но тёплого воспоминания.

Помнишь, может быть: лето, каникулы, забегаешь раскрасневшийся в подъезд, но, прежде чем юркнуть в бабушкину квартиру, заглядываешь через щёлочку в почтовый ящик. Вдруг наконец-то пришло оно? И если в темноте ящика белеет уголок, что есть мочи несёшься через две ступеньки за ключами.

Какую радость тогда вызывали новости из привычного мира, пусть и недельной давности! Как трогательно было видеть мамин почерк, читать её мысли и вместе с тем понимать, что всё рассказанное уже пережито, подзатёрто новой рабочей неделей, новыми проблемами, изредка – радостями, в общем, жизнью, о которой ты снова узнаешь неделю спустя.

А пока можно было представлять что она делает сейчас, и как ты ей ответишь, и где она распечатает заветный конверт, стараясь не порвать при этом сложенные пополам тетрадные листы.

Странное было время, не так ли? Ведь не было ни телефонов, ни интернета, так и переписывались месяцами, не слыша голоса (про изображение и говорить нечего). Морды в телевизоре видели каждый день, а родных – ну, разве что, на фотографиях в горке. Зато потом, спустя три месяца, каждый из нас встречал на вокзале обновлённого

человека: с иной причёской, зачастую иным ростом и фигурой, взглядом, чертами лица.

Письма, возможно, оттого и оказывали магическое воздействие, что приходили к нам из прошлого. Вот и ты сейчас читаешь эти строки, а я уже где-то недалеко от русла Мtkвари — может быть, ем, может быть, сплю, может быть, курю на лавочке в парке.

Объявили посадку. Побегу. Расскажи мне пожалуйста всё максимально подробно! Листов не жалей.

С пожеланием счастья, твой Борис З.

...

Безвизовое пребывание в Турции закончилось довольно быстро. Сначала Борис привыкал к тому, что хотя бы две недели ему никуда не придётся переезжать. Вещи можно было развесить в шкаф, а холодильник забить продуктами впрок. Борис купил семилитровую кастрюлю в местном «Мигросе» и по выходным варил супы. По будням Борис окунался в работу — накопилось изрядное количество долгов. Вечерами он стирал, подметал пол, гладил вещи, затем просыпался по семь раз за ночь, отлавливая кусающих его комаров.

Каждый день он ходил обедать в «Pells», где заказывал довольно неплохую лазанью и картадо. Ожидая заказа, разрезая лазанью на куски или без особого удовольствия допивая остывший кофе, Борис безостановочно думал о том, что вслед за бытом пора налаживать и творческую работу. В конце концов, дебютная рукопись должна была увидеть свет через несколько недель, наступала пора писать второй роман. Но о чём?

Старые идеи, которые он записывал в блокнот, казались ему глупыми и вторичными. Однажды, сидя на маяке с лимонадом Fentimans и подаренной Гошей пачкой шоколадного Chapman'a, Борис задумался: а что вообще происходило в его жизни важного? Что он может поведать миру? Последние годы вопили скучой и заурядностью: проджект-менеджер малоизвестной компании на удалёнке, тридцать лет, женат, арендная однушка, оседлая жизнь в Санкт-Петербурге с редкими

командировками в Москву, бизнес-центры, еда из вендинговых аппаратов, бесплодные попытки начать здоровый образ жизни вперемешку с нерегулярными посещениями фитнес-центра... С другой стороны, за эти тридцать лет Борис накопил немало личных травм. Когда ему было двадцать четыре, у мамы обнаружили онкологию четвёртой стадии; три месяца он в одиночку ухаживал за ней на окраине Иваново, пока она не умерла у него на руках. Борис не мог преодолеть эту смерть больше пяти лет, пока наконец не отважился на курс психотерапии. Отец спился и умер от цирроза печени буквально за неделю до мобилизации, но Борис на этот счёт переживал куда меньше — с отцом у него были отвратительные отношения, в каком-то смысле отец как отец умер для Бориса гораздо раньше. Да и не любил он Бориса (такое случается, когда родитель не любит ребёнка). Ну и венец 2022-го — развод с женой в августе. Расчётиво-взрослый, без драм, разбитой посуды или материщины. Но всё же Борис прожил с женой долгих десять лет, и теперь, впервые в жизни оказавшись один, да ещё и в чужой стране, он совсем не понимал, существует ли мир вокруг — и существует ли Борис Забелин в этом мире.

Итак, ситуация буквально кричала о том, что Борису нужно писать автофикшн. Тем более, ему было о чём рассказать: и три месяца ухода за онкологической больной в терминальной стадии, и длительная история отцовского абьюза, и детство, проведённое на окраинах провинциального города в девяностые, хранили огромное количество материала. Будь Борис амбициозным и целеустремлённым, он тут же бы сел и написал трилогию: про мать, про отца и про жену. Но блин... Борис прекрасно понимал, в чью степь его несёт.

Нет, об автофикшне не могло быть и речи. С другой стороны, чем автофикшн на изжёванную тему хуже антиутопии про Россию будущего или триллера про героя, который неожиданно умирает, но остаётся в мире живых? Порой Борису казалось, что имеет смысл взять и выписать из себя все банальные идеи, просто отпустить их на бумагу — глядишь, чуть позже в голову придёт что-то дельное, не сотканное из общепоколенческих травм и подражания любимым авторам. Окончательно запутывала клубок тревога по утекающему времени. Мир стал жесток и непредсказуем, тратить драгоценные недели на заранее

вторичную прозу он считал непозволительной роскошью. Любая попытка распутать клубок за дальним столиком в «Пелсе» (русские склоняли названия кашских ресторанов) заканчивалась провалом. Борис быстро плюнул на эту проблему и просто публиковал ночами посты, придумав интересный марафон: текст нужно было написать за час, трижды его отредактировать, читая вслух, и тут же пульнуть в телеграм-канал на сто пятьдесят человек. Борис быстро принарвался делать это пьяным. В «Мигросе» продавали терпимое греческое вино. Борис заканчивал работать в шесть вечера, откупоривал бутылку, выпивал её и шёл гулять по Кашу. Протрезвев, он возвращался домой, открывал вторую и садился писать пост. После публикации Борис смотрел любимые концерты нулевых, сериал «Skins» или душепитательные фильмы до тех пор, пока не засыпал на диване у телевизора. Уже потом, посчитав количество дней без просыха, Борис понял, что столкнулся с первым в жизни запоем. И хотя огромное количество героев, которым он подражал, от Джейка Барнса до Джеляля Салика, употребляли спиртное, запой испугал Бориса. Возможно, это было своеобразное прощание с отцом-алкоголиком, но Борис винил в увлечении вином недавний развод и непроходящее отчуждение.

По началу Борис надеялся, что в Каш съедутся художники, журналисты, музыканты – и рыбацкий городок наполнится культурными событиями. На деле же здесь селились в основном криптоинтуисты, блогеры, а также ворох инфоцыган самых разных мастей: астропсихологов, дизайнеров человека, арт-терапевтов; нашёлся даже один «монах человеческих душ». Из развлечений Борис отыскал игру «Самый умный» (которую не любил) да тематические вечеринки а-ля «MTV девяностых». В клубе Loop, по мнению сентябрьских беглецов, играли устаревшую электронную музыку. Борис слушал метал, так что ловить в подобных заведениях ему было нечего.

Ходить в яхт-туры, чтобы пофотографироваться на закате, его тоже не тянуло – перед камерой он смущался, да и куда потом девать эти фотографии, в «Инстаграм»? Имитация благополучия казалась ему неуместной ещё после февраля, а уж сейчас... Последним гвоздём в крышку гроба стал кинопоказ нового фильма Семёна Серзина. Режиссёр, проезжая из Антальи в Чиралы, остановился на один вечер в Каше и

решил презентовать здесь новую картину за донат. Увидев афишу, Борис не поверил глазам. Обладая отвратительной памятью на актёров, он долго всматривался в лицо Серзина, пока вдруг не понял, что видел его дважды: в качестве главного героя экranизации «Петровых в гриппе» и на сцене, в спектакле «Невидимого театра» по мотивам поэзии Рыжего. Борис (наш, не Рыжий) тут же позвал на кинопоказ Гошу, который скучал по культурной жизни не меньше.

Они пришли в отель «Нега» («Гера, в честь богини» – учили смущённых сентябрят умудрённые февральята) за полчаса до начала и поднялись на второй этаж. Киноэкраном служила растянутая простынь. Все места были заняты, люди сидели даже на полу. С грехом пополам Борису и Гоше удалось втиснуться в пятак за последним рядом. «Ну ничего, постоим, не впервой» – подумал Борис, покусывая губы. Серзин презентовал не просто новый фильм, а экranизацию повести Дмитрия Данилова «Похожий человек».

Возможно, оттого, что Борис заранее был расположен и к режиссёру, и к писателю, фильм нехило его расшатал. Однако, Борис и Гоша допустили роковую ошибку. Они остались на секцию вопросов-ответов.

Треть из тех, кто попросил микрофон, не задавали вопросов вообще. Они просто делились мнением, будучи абсолютно уверенными, что оно кому-то интересно.

– По-любому коучи. – прокомментировал Гоша.

На полном серьёзе прозвучали советы оператору и монтажёру. Борис смотрел на балкон второго этажа и временами его тянуло выпрыгнуть от кринжа. Сессию увенчали проверенные временем «Что хотел сказать автор?» и «Какой смысл из озвученных правильный?». Бедный Серзин, наверняка уже пожалевший о собственной доброте, разжёвывал пришедшем фундаментальную максиму искусства: «Смысл зависит от вас и вашего субъективного опыта. Я не могу сказать, о чём фильм и какие выводы вы должны сделать после просмотра».

– Нет, он что, нормально объяснить не может? – услышал Борис голос в толпе и тут же дёрнул Гошу за рукав.

— Блять, шли бы тогда пить коктейли в свой «Мяу»... — бунчал Борис по пути в Linkia coffee.

Тем вечером он понял, что на культурной жизни Каша можно ставить крест. Не то чтобы Борис был заядлым посетителем культурных институций, ему, скорее, нравилось жить в городе, где была возможность вести культурную жизнь. Борису очень хотелось придумать Кашу другую маску — не блогерско-инфоцыгансскую, с оттенками web 3.0 и sales-техниками, а что-то более романтичное, отсылающее нас к античному образу города, его ликийской истории. Он видел Кашу колыбелью великих свершений, а эмигрантское сообщество в нём — хранителем русского еврейства, порождающим новые, самобытные течения в культуре.

Увы, Борис был не в силах переломить ход истории в угоду собственным желаниям. Спустя несколько дней он успокоился. В конце концов, Каш всегда был торговой рыбакской деревушкой. Этому городку предназначено было стать пристанищем купцов, путешественников и прохиндеев. Все порты напичканы подобными людьми.

Теперь Борис наблюдал за городом из тени. Конечно, всё это время он не оставался один — Гоша... Нет, даже не столько Гоша, сколько его жена Лена знакомила Бориса с людьми, приезжавшими в Каш. Борис с восхищением наблюдал, как из любой разношёрстной компании, поужинав хотя бы раз, женщины ткали среду обитания. Мужчины знакомились и при первом же удобном случае разбредались по берлогам, а женщины буквально на следующий день шли вместе на йогу, завтракали на природе, рисовали вместе пейзажи, попеременно приглядывая за детьми. Борис в очередной раз убедился, что медленно, но верно русский мир движется к матриархату. Неудивительно, что и автофикашн развивали женщины. Казалось, что они, в отличие от мужчин, ещё не устали смертельно, чувствовали, на что-то надеялись. Среднестатистический русский мужик давно уже не жил, а мучался, мрачно отмахиваясь от любого насущного вопроса.

Отражение в луже. Ночной пост no.5

Муж подруги и его брат – главные мои собеседники в первые дни после отъезда, с которыми мы проводили дни на веранде стамбульского кафе, куря и молча. Парень с футбола (да, выпивали пару раз в общей компании, но никогда не лезли друг другу в душу), сидящий на заливе в час ночи с бутылкой пива и глядящий на проходящие мимо корабли. Девушки, поющие под укулеле «Дешёвые драмы» на кухне моей временной квартиры, пока я накладываю в тарелки приготовленный ужин – трудности действительно сближают, и сближают людей достаточно быстро, оставляя в душе осколок жизни, который невозможно забыть.

Где бы я ни встретил их теперь: у макашницы, в хинкальной, на склоне анатолийского холма, я не пройду мимо и не опущу взгляд, притворяясь, будто бреду, увлечённый мыслями вдоль намокшего от ливня проспекта. Я часто поступал так в Петербурге, где все мы казались друг другу атомами, хаотично летающими от бара к бару, от ресторана к ресторану, от квартиры к квартире. Теперь этого не произойдёт – каждый из них оставил свой след, и след этот подобен тёплому воспоминанию из детства, объединяющему людей несмотря на ворох последовавших за ним событий.

Пожалуй, это ещё один позитивный результат треснувшего мира – отчуждение потихоньку преодолевается, мы учимся быть обществом, слушать друг друга, понимать. Никто не знает, куда вильнёт очередная развилка истории – да, картина выглядит весьма трагичной, но сквозь эту трагедию может пропустить силуэт надежды – в этот момент важно не расслабляться, не отдать шанс на откуп судьбе, сделать всё, чтобы отчуждение не разрасталось вновь.

Иногда я представляю себе Петербург будущего, где я соберу всех, с кем встретился за эти два месяца. Мы будем сидеть за общим столом – что мы скажем друг другу, как будем друг на друга смотреть? У каждого найдутся собственные мысли и слова, но я, пожалуй, задам один единственный вопрос: мы же не будем жить как раньше, правда? И я надеюсь, что все согласятся – отныне мы не опустим голову, проходя мимо, не отвернёмся в толпе, мы будем пить, смеяться и вспоминать всё,

что сопутствовало нам в этих случайных встречах: и стамбульское кафе, и воняющие рыбой набережные Каракёя, и запах сандалового дерева по пути к ликийской гробнице.

...

Фиксируя ощущения в телеграм-канале, Борис предполагал, что их можно нанизать на сюжет и превратить в повесть — а то и в тонкую книжицу. Впрочем, любая попытка посмотреть на текст со стороны рождала довольно мрачные картины. Ну, например, как упыри из «Нацбеста» соревновались в язвительности. «Зачем, зачем-зачем-зачем нам опять подали стенания так и не выросшего мальчишки? Текст, который не тянет даже на реплику Сенчина. Текст, в котором автор пытался объединить жанровую прозу с автофишкой, но в итоге не получилось ни первого, ни второго — получилось вообще не пойми что!». Не платили бы им денег, они бы и жопу этим текстом не вытерли...

По другую сторону Борис представлял размытый силуэт блогерки с ядовитыми волосами. «Зачем, ну зачем-зачем-зачем нам опять подали стенания белого тридцатилетнего цисгендерного мужика? Мы давно уже устали от всех этих рубановых и садулаевых. Текст, которым пытались замарать автофикин, но, к счастью, у автора ничего не получилось — потому что он скучен, надоедлив, предсказуем. Нытик, токсик!». И ещё пара переходов на личности.

Несмотря на то, что самоунижение зрело только у него в голове, Борис заранее раздражался на критиков будущей книги. Он-то в чём виноват? Что ему делать? Скрутить десять лет пробега, превратиться из тридцатилетнего мужика в зумера? Переспать с негром на заброшенной стройке? Не ныть? Не быть таким скучным? А если в Каше только и оставалось, что ходить по друзьям, рассуждать, переживать, наблюдать в бессилии? Да, вот такая она, жизнь после бегства, другой у него для нас не было... Раз уж кто-то требовал правдоподобности.

В один из вечеров Борис настолько загнал себя в угол, что совершенно забыл про время, просидел в амфитеатре до глубокой ночи. Станция такси неподалёку от мечети пустовала, Борису в который уже раз пришлось возвращаться в Черчиллер пешком. Сезон заканчивался,

заведения закрывались до весны, впрочем, некоторые из них решили поработать ещё месяц – их просили об этом остающиеся зимовать русские. Уличное освещение выключали после полуночи. Борис брёл по тёмным переулкам чуть ли не наощупь, ощущая себя бандитом или вампиром. Главное, что он перестал чувствовать себя заблудившейся жертвой – полтора месяца, проведённые в городе, придавали уверенности. За Борисом увязалась собака. Она не выпрашивала вкусняшку, просто убежала чуть вперёд и оглядывалась на каждом повороте, проверяя, идёт Борис за ней следом или нет. Борис погружался в тишину и пустоту – Каш нельзя было сравнить с Петербургом, но и северная столица, и бывший ликийский порт без людей становились только притягательнее.

Борис достаточно быстро пожалел о походе домой пешком. Сто двадцать шесть ступенек в гору пёс преодолел куда легче. Вслед за лестницей вился серпантин к жилому району. Временами до Бориса доносился не самый приятный запах сладких каштанов – что уж душой кривить, тащило спермой. Борис вычитал в интернете легенду, что бедуины проверяли таким образом девственниц; если в запахе каштанов девушка узнавала сперму, ей отрубали голову.

Дикие времена, дикие нравы. Даже сейчас не настолько дикие.

Борис вышел с серпантина полностью мокрым от пота. Футболка прилипла к телу. Тёмные улочки с накрытыми чехлами автомобилями, переполненными мусорками и бродящими по переулкам котами застыли, как на холсте.

Пёс проводил Бориса до дома. Убедившись, что тот зашёл внутрь, пёс убежал по своим делам, перегавкиваясь с местными обитателями. Борис лёг на диван и смотрел, как тени, пришедшие вместе с ним, пляшут по квартире в свете уличного фонаря.

Армия Турции уничтожила базы террористов в результате воздушной операции на севере Ирака и Сирии – телеканал A-Haber.

Утром Борис узнал, что русское комьюнити перепугалось военного корабля, прибывшего к побережью Каша. Опытные экспаты успокаивали

русских: неподалёку от Каша проходит граница с Грецией, корабль дрейфует вдоль побережья и периодически встаёт на рейд у марины.

Гоша с каждым днём выглядел всё мрачнее. В Иваново у него был... Уже не гараж даже, а целое небольшое производство мебели на заказ. Один из постоянных клиентов, занимавшийся в Турции ремонтом квартир для богатых европейцев, позвал его в долю, но строительство, ремонты и Турция – близнецы-братья. Влезть в уже сложившуюся и консолидированную сферу русским с ходу не удалось. Выдачу икамета задерживали. Гоша часто ездил на переговоры в Кемер – знакомый поселил его в полузастроенный отель, где ему разрешили готовить на ресторанной кухне и стираться в прачечной. Оставаясь наедине с самим собой, он так же, как и Борис, грустил вечерами: торчал в кемерской кафешке, неизменно заказывал чечевичную чорбу и триста грамм водки. Раки Гоша так и не полюбил, морщась при каждом её упоминании. Борис заподозрил, что Гоша просто перепил раки в один их прошлых приездов.

Великобритания выступает против призыва Франции к Украине возобновить мирные переговоры с Россией.

– Пить не будем, так больше нельзя. – заявил как-то утром Гоша, осмотрев заставленный бутылками угол кухни в квартире Бориса. – Надо оживать. У тебя есть спортивная обувь?

Утром они сходили в магазин обуви и купили Борису поддельные кроссовки Adidas. В LC Waikiki нашлись базовые шорты и футболка. Борис переоделся прямо в раздевалке.

– Куда мы идём? – спросил Борис, поднимаясь от набережной по серпантину.

– На Ликийскую тропу. Недалеко. Прогуляемся, разомнёмся, разгоним молочную кислоту. Всё лучше, чем бухать целыми днями.

Солнце разминалось вместе с ними. Борис вспотел.

– Ты же знаешь, я вообще не любитель ходить в жару.

– Держи, я захватил тебе бейсболку из Кемера.

Гоша протянул Борису чёрную кепку. Борис подумал, что бейсболка наверняка ему не пойдёт, но всё же нацепил её на голову.

— Ты долго ещё будешь дрейфовать между Кемером и Кашем?

— Я тут подумал и решил... Через десять дней улечу в Тбилиси. У меня там вариант открыть собственный цех небольшой. Как в Иваново. Уже есть несколько заказов.

— А Лена с Леськой?

— Девчонки пока тут останутся. Оформлюсь, поставлю дело на поток — перевезу.

— А ты не... — начал было Борис, но замялся.

Гоша вопросительно на него посмотрел.

— Войны всегда были, понимаешь. И эта война закончится. А ты уже уверен, что не вернёшься?

— Слушай, я давно хотел начать что-то новое. И вот, судьба дала мне пинок. Я мостов не сжигаю, квартиру не продаю. Но в долгой перспективе будущего в России не вижу.

Борис отёр пот со лба.

— А кто-то уже продаёт...

— Ну а потом будут в Тбилиси продавать, а в России заново покупать. Люди напуганы, ошибаются. Ты сам говорил, что ошибся.

Они зашли в лесок, где их укрыли от солнца нависающие... не то деревья, не то кусты.

— Рано или поздно закончится и война, и диктатура. Жаль только, что век человеческий короток. По историческим меркам он даже мимолётен. Глобальные перемены умещаются в одну главу учебника политэкономии. Но в то же время они тянутся сквозь жизнь целых поколений. Я вот всегда думал — ведь были же люди, что родились и умерли при Иване Грозном. А кто-то, например, провёл всю жизнь в Советском Союзе, не

застал ни Российской Империю, ни Российскую Федерацию. Получается, для них СССР так и остался вечным государством.

— А кто-то до сих пор в нём живёт. И даже паспорт не меняет. Я читал недавно про такую секту. Но наша трагедия не в этом. Не в том, что мы проживём большинство жизни при Путине.

— А в чём?

— Я вот смотрю на дочку и понимаю, что мы, в отличие от них, попали в разлом между глобальными эпохами. Не между мелочёвкой этой — Ельцин, Путин, Медведев, Путин... А между столетиями, понимаешь? Мы провели детство без компьютеров, без смартфонов, интернета. Так же, как и наши родители, мы играли в казаков-разбойников и жевали гудрон. Но! В подростковом возрасте у нас появились компьютеры. Потом — смартфоны. И наша юность уже кардинально отличалась от юности родителей. И от нашего собственного подросткового периода.

— Ну да, ну да... Взрослели в аналоговую эпоху, а очутились в итоге в цифровой.

— Верно, комрад! — Гоша поднял ладонь, приглашая дать ему пятюню — Эта смена порождает множество конфликтов! Мы же до сих пор живём бок о бок с людьми, которые вообще не вылезли из аналоговой эпохи. Вот представь — они ищут незнакомые адреса без навигатора. И не гуглят, например... и самое безумие: человек, принимающий решения за стомиллионную страну, до сих пор не умеет пользоваться компьютером! И одновременно с этим переход от лампы к цифре всё больше влияет на сферы нашего общества. Иногда эти изменения незаметны в моменте, но посмотри на них в долгую. Например, сейчас мы живём с одном городе с кучей диджитал-номадов, так?

Борис почесал подбородок.

— Я и сам, в общем-то, почти диджитал-номад...

Гоша достал бутылку воды, сделал пару глотков.

— А вот представь, что таких — миллионы. Резидентами какой страны считать диджитал-номадов? Где они будут платить налоги? Останется ли

что-то общее между русскими номадами и русскими жителями села Лайшевка Ульяновской области? Можно ли говорить о них как о едином народе?

— Да я такое и в России замечал, Гош. Вот, например, друзья из цифровой эпохи нередко становятся более близкими людьми, нежели живущие в аналоговом мире родственники. Или ещё кейс: женщина теперь имеет больше шансов строить карьеру, а домашние дела разделить с мужем. Или вообще «отдать их на аутсорс», как говорят у нас в ИТ. Цифровое общество, кстати, затрагивает и роль отца. Я слышал, что в Европе всё больше новоявленных отцов задумываются о... У них это называется «shared parental leave and pay».

— Но просто так это не разрулится всё, понимаешь? Существуют же и центробежные силы. Аналоговые люди боятся изменений, им кажется, что новшества приведут цивилизацию к краху. Многие к тому же боятся не найти себе места в новом мире, оказаться на обочине истории. Поэтому они и запрещают всё новое. Мир буквально утекает из их рук, как песок. Вот они и перешли от увещеваний к насилию. Опутывают всё, что только можно, колючей проволокой.

— О, про колючую проволоку Герцен хорошо говорил. — вспомнил Борис и остановился отдохнуться. — Про николаевскую реакцию: «поток был остановлен, Николай перевязал артерию — но кровь переливалась проселочными тропинками».

— И в этот раз перельётся. Но кровь, блин, понимаешь? Без крови никак, к сожалению. И я не хочу, чтобы это была моя кровь. Или кровь моей семьи. И если есть возможность эту кровь не лить — стоит ей воспользоваться.

— Долго ждать придётся. Перелив этот может занять десятилетия. — хмуро оппонировал ему Борис.

— Ну вот я и говорю. История безжалостна. Для неё это мгновение. Абзац в учебнике. И не факт, что в школьном. Пошли дальше.

Через полчаса они вышли на площадку с красивым видом. Море сливалось с безоблачным небом в сплошное голубое пространство —

Борис действительно не сразу определил, где проходила линия горизонта.

— Давай я тебя сфоткаю. — сказал Гоша и Борис понял, что тот не предлагает — он всё решил за друга. — Встань напротив. Только дай айфон, у тебя камера получше.

Борис протянул ему смартфон и замер. Гоша несколько раз тапнул по экрану.

— Херня какая-то. У тебя камера сломалась, похоже. Или айфон перегрелся. На превью вроде чётко, а сделаешь снимок — всё в расфокусе.

— Это из-за плёнки.

— Какой ещё плёнки? Это плёночный айфон, что ли, ха-ха? До такого даже хипстеры не додумались!

— Нет, из-за целлофановой. Знаешь, я весь мир сейчас вижу будто через целлофановую плёнку. Словно голову ей обмотали. И звуки тише, и пейзажи бледнее. Ну или это мир закатали в целлофан...

— Нет. Дело, скорее всего, в тебе. — ответил Гоша и вернул айфон. — Держи. Сфотографирую на свой. А потом ты меня. Родителям отправлю.

Пофотографировавшись и допив бутылку воды, друзья решили идти обратно. Точнее, Борис уговорил Гошу не перебарщивать. Всё же, он тащил на себе ношу многодневного похмелья. Обратно возвращались молча.

— А вот охранители тебе возразили бы. — сказал Борис, когда они уже подходили к городу. — С чего ты вообще решил, что новшества равнозначны развитию? Вдруг на самом деле все мы несёмся в бездну? И так называемое «развитие» ведёт человечество к вымиранию?

— Именно поэтому я ни разу и не употребил слово «прогресс». Относиться к новшествам можно по-разному. Например, можно быть технооптимистом. Или технопессимистом.

— О, это прямо про акселерационизм.

— Как ты это выговорил вообще...

Борис хохотнул.

— Тренировался! Левые акселерационисты верят, что технический прогресс поможет преодолеть нам недостатки капитализма. Прийти к социальному равенству. Трудиться будут роботы, люди — получать базовый доход. Экономическое раскрепощение народа неизменно приведёт к падению авторитарных режимов. И так далее. Если интересно, почитай «Капитализм платформ» Нила Срничека. И ещё есть «Посткапитализм» Пола Мейсона. Но Мейсон мне меньше понравился.

— Ты знаешь, я не очень много читаю...

— А технопессимисты напомнили мне луддитов. — продолжил Борис, явно увлёкшись. — В начале XIX века луддиты протестовали против замены ручного труда машинами — громили станки и оборудование, призывали народ одуматься. Луддиты боялись, что машины вытеснят их с рынка труда и рабочие помрут с голода. Но история в итоге распорядилась иначе. А знаешь что в технооптимизме самое страшное? Я как-то читал статью одного оксфордского профессора в журнале про будущее. И там он задавал прекрасный вопрос: как сильно изменится мир, если учёные выяснят, что ядерную бомбу можно собрать из куска стекла, металлического предмета и батареек?

— Нам пиздец.

— Ага. Профессор называл подобную технологию «чёрным шаром». Получается, наша цивилизация хорошо научилась доставать шары-технологии из урны, но совершенно не умеет прятать их обратно. Грубо говоря, наша стратегия — надеяться, что чёрного шара не существует. Но рано или поздно мы его вытянем.

— Получается, «не всё-так однозначно».

— Но охранителей-то нельзя отнести ни к оптимистам, ни к пессимистам. Оба лагеря, как бы ни относились к техническому прогрессу, думают о будущем. А охранители тянут нас в прошлое. Вот смотри, у них же все их концепции — косплей ушедших эпох. Советского Союза там, Российской Империи, Средневековой Европы, Древней Руси.

Русские националисты на полном серьёзе мечтают вернуть монархию или учредить генерал-губернаторства. Упоротые коммунисты рассуждают о Сталине, ЦК КПСС и комсомоле. Находятся и те, кто готов молиться Перуну, ходить по рекам на ладьях и рубить топорами... кого, византийцев? Эта зацикленность на прошлом... – Борис обрисовал пальцем круг, – И уверенность в идеальности ушедших эпох не оставляет охранителям шансов на победу. Если вы игнорируете будущее, то у вас его и не будет. Фарш обратно не прокрутишь. Мир всё равно станет цифровым, как бы охранители этому не сопротивлялись.

– Но под обломками окажется много технооптимистов... Пошли домой. Надо принять душ.

– Но вот знаешь, что меня смущает? – продолжил Борис уже сам с собой.
– Ты говоришь, что прольётся кровь, и хорошо, если она будет не твоей...
Но тогда получается, что кровь будет проливать кто-то другой? И вот все мы уехали, такие умные, сидим тут у моря и ждём, когда за наше счастье пострадает кто-то из оставшихся. То есть... люди ждут, что за их права отсидит кто-то другой. И героев себе назначают из среды таких страдальцев. Два самых известных оппозиционера то ли подсознательно почувствовали это, то ли хорошо изучили настроения... И буквально дали себя арестовать. Пошли на мученичество. Мне Андрюха тут написал «когда всё наладится, я вернусь». А кто будет налаживать? В голове не умещается. За счастье надо бороться, блин – это у всех на языке. А то, что права не дают, права берут... Ааа, ладно, что я тут распинаюсь.

Дома они заварили чай и сели на балконе. Гоша постукивал пальцем по столу. Борис то и дело тёр переносицу. Неожиданно Гоша спросил, а что вообще такое счастье – и Борис, не задумываясь, принялся зачитывать вслух монолог, которому суждено было превратиться в один из егоочных телеграм-постов.

«Счастье – момент, а не состояние. “Долгая счастливая жизнь” – сарказм, а не реальность, недостижимый идеал, о котором мечтает так много людей, и практически никто не обретает желаемого. Можно быть счастливым десять минут, можно – несколько дней, самым везучим из нас удаётся чувствовать себя счастливыми несколько месяцев, но что-то подсказывает мне, что это лишь самоубеждение. Счастье, как и любой

концентрат, невозможна разбавить временем, его суть в насыщенности, в краткосрочности. Счастье – падающая над маяком звезда. Только успевай замечать».

– Вот я, живущий с августа окружённый ворохом проблем и страданий – неужели я не был счастлив за эти четыре месяца, Гош? Да был, конечно. Я даже помню, когда. Я шёл по пустынному городу в пять утра, холодный ветер с побережья бросался мне в лицо, не было уже ни таксистов, ни туристов, даже фонари не горели в переулках. Каждая сцена казалось вырванной из фильма итальянского неореалиста, в наушниках играл любимый плейлист, я шёл домой и был счастлив, счастлив ровно пятнадцать минут, пока не пришлось подниматься по этой ебучей лестнице...

Гоша взял со столика зажигалку, пощёлкал ей и аккуратно положил обратно.

– Глупо мечтать о том, что испытания, драмы, разочарования когда-нибудь закончатся. Мечта о рае пленительна, но в нашей жизни рай недостижим. О счастье нужно помнить, как и о любом сильном чувстве, нужно учиться воспроизводить его в своей памяти. Особенно, в тяжёлые моменты, когда кажется, что оно больше никогда не наступит.

Вечером Гоша снова уехал в Кемер. Борис проводил его и собрался смотреть, как рыбаки удят недалеко от причала. Возможно, сидя у окна отъезжающего автобуса, Гоша почувствовал себя счастливым – по крайней мере, Борису хотелось бы этого. Но он был уверен, что Гоша поймёт это потом. Счастье осознаётся постфактум, в этом его прелесть и несовершенство. Оно вообще малопознаваемо, это счастье.

На самом деле, рыбаков у причала не оказалось. Борис лёг прямо на камень и смотрел, как мимо плывут набухшие от влаги облака. Значит, ночью пойдёт дождь... Мысль о счастье засела в похмельной голове Бориса, которая болела даже после таблетки «Нурофена». Борис растревожился, что однокая жизнь не доведёт его до добра, раз уж буквально за полтора месяца он докатился до нелепого, подросткового, но всё же запоя.

Этим вечером Борис открыл приложение Ulysses и попробовал написать что-нибудь автофикашное... автофикашоновое... Какой-нибудь автофикашн.

«Когда отец впервые попытался выпросить у меня деньги обманом, я изумился. Да, за годы беспробудного отцовского пьянства я натерпелся немало ужасов и подлостей, но денег у меня отец никогда не занимал. Он то ли пил на свои, то ли перехватывал у дружков; я слышал только, что отец всегда отдавал долги и следовал каким-то собственным, пусть и мизерным, принципам.

Мы встретились с отцом у торгового центра «Одесса», рядом с алкогольным магазином «Бристоль» и банкоматом Сбера. Я слушал историю про то, как отец «проигрался в карты на рынке чуркам», как они поставили его на счётчик, и что ему кровь из носу нужно вернуть им сегодня пятьсот рублей, а то... Я смотрел в отцовские красные глаза, на трясищиеся руки, и понимал, что родитель медленно деградирует до состояния скотины.

Я не поверил ему, но снял несчастные пятьсот рублей с карты. Отец божился отдать их на следующей неделе, но, конечно, не отдал. Вернувшись в тот вечер домой, я открыл фотоальбом и долистал его до конца восьмидесятых.

Вот, например, фотографии с вечеринок в студенческом общежитии. Отец – неизменно душа компании: то сидит с гитарой на кушетке, заломив кепку на затылок, то танцует с соседками, вынуждая маму ревновать. Его волнистые волосы ниспадают на плечи, он улыбается в тридцать два зуба, являя миру ямочки на щеках – фирменная его улыбка, я даже ребёнком знал, что она завораживает многих, да и отец это знал, и окружающие знали, никто не скрывал эту очевидность друг от друга.

Но вот знал ли отец тогда, что спивается? Догадывался ли, что змея уже ползёт к горлу, что сегодня, опрокинув пару стаканов портвейна, он оказывается в центре внимания, а спустя тридцать лет будет дышать перегаром на собственного сына, падать на улице в беспамятстве, саться в лифте? Я был уверен, что никто – ни он, ни окружающие его люди, не могли этого представить. Даже когда отец окончательно превратился в

алкоголика, бывшие друзья семьи поражались и не верили – не мог Серёжка спиться! Как так? Такой был мужик! На зависть...

Да уж. Пока мы молоды, нам кажется, что всё это случится не с нами. Сосед по парте не согласится убивать людей за двести тысяч рублей в месяц, друг детства не сядет на двенадцать лет за продажу наркотиков, одногруппницу не задушит муж в приступе ревности. Мы верим в то, что трагедии обойдут нас стороной, что жизнь в омерзительной её ипостаси бурлит где-то вовне и не заденет наших планов, надежд и мечтаний. Мы наивны. Безгранично наивны.

За два месяца в Каше я научился писать пьяным, приучился смотреть фильмы пьяным, полюбил слушать музыку пьяным – что-то я в себе тушил, конечно, но не хотел признавать – от алкоголя пламя затихает лишь на время, а затем заходит вновь. И ты льёшь всё больше, больше, не понимая, что загоняешь себя в тупик...»

На большее Бориса не хватило. О чём писать дальше, он не придумал. Тем же вечером Борис купил билет в Тбилиси, собрал чемодан, обменял оставшуюся наличку на доллары и уехал последним автобусом в Анталью, оставив ключи под ковриком. «Hi, Ersin!» – написал он хозяину. – «I'm so sorry. My plans were changed, I have to go to another country earlier. I put the key under the carpet near the door. Lemme know if something goes wrong with the flat. My friend lives in Kas, I'll ask him to fix it. Thank you so much! See u».

Пересаживаясь в автобус до аэропорта с причудливым номером маршрута «600», Борис написал ещё одно сообщение:

«Гоша, привет! Я улетел в Тбилиси. Передай Ленке извинения, что не попрощался. Всё равно нужно было визаранить. Ты уже определился, где будешь жить? Можем снять что-нибудь вместе. Короче, напиши, как решишь...»

И вот он уже летел в самолёте, сухо отвечая на вопросы не в меру общительного грузина. Грузин, долгое время проживший в Москве, порвал сухожилия на руке и возвращался после операции из Антальи домой. Вопросы «Ты уже бывал у нас? Три раза! Ого, значит, понравилось» и «В отпуске? Надолго в Тбилиси?» быстро переросли в политический

монолог. «Путин так-то здравый мужик, жаль только повёлся на провокацию, теперь ограбёт» — качал головой грузин. Люди вокруг навострили уши. Среди них наверняка могли быть и украинцы, которых грузин без смущения называл «хочлами». Борис заливался краской. Он воспользовался ситуацией — когда в салоне погасили свет, притворился спящим. Похоже, грузин раскусил его и обиделся. Больше они не разговаривали.

На границе Борис смешался с толпой иранцев, старался реже моргать и не кусать губы. Его молча пропустили в страну. Пока пограничник ждал ответа системы, Борис поглядывал на его лицо, но не заметил на нём ни презрения, ни раздражительности.

Таксисты пытались уговорить его поехать до отеля за цену, в пять раз превышающую тариф «Яндекс.Такси». «“Яндекс.Такси”, оффигеть» — подумал Борис, ощущая себя дауншифтером, вернувшимся с далёкого острова в цивилизацию. Он обменял немного долларов на лари, вызвал машину и уже через полчаса курил возле студии, арендованной им на Airbnb за сутки до заселения. Студия располагалась на цокольном этаже. Бориса привлек отдельный вход и система self-check-in, позволяющая заселиться рано утром.

Борис заехал в десятую квартиру за два месяца — если усреднить, то получается, что он менял место жительства каждые шесть дней. Путь от очередного отеля к очередным апартаментам с чемоданом в руке и рюкзаком за плечами превратился в рутину. Друзья-февралята говорили «на третий месяц я смирился», и Борис им не верил, а в этот момент поверил сполна. Действительно, наступило если не смирение, то принятие, и оно врастало в него корнями, примиряло с ролью кочевника.

Запросы тоже упали. Зайдя внутрь, Борис оглядел студию: тепло, тихо, есть плита и стиральная машина — хорошо, пойдёт, большего и не нужно. Потеряв ощущение дома, Борис перенёс его внутрь, каждую важную деталь хранил где-то под ребрами, привыкал таскать не вещи, а воспоминания. Последнее время, бродя в единственных штанах по проспектам малознакомых ему городов (минималисты бы позавидовали), Борис учился наслаждаться музыкой, а не гардеробом.

«Всё же, правы анархисты» — думал в такие моменты Борис — «Главные вещи в мире — не вещи».

Борис не понимал, где он окажется в конце декабря, не был уверен ни то что в районе — в стране, континенте. Может быть, судьба занесёт его обратно в Турцию. Может быть, он обнаружит себя в Аргентине или где-нибудь в Азии. Какая разница... Удивительное свойство психики: столько лет желая осесть, в новых условиях он понял, что всегда хотел скитаться, но мешали комфортные условия — а теперь не мешают. Трагедия преобразилась в пинок, которого не хватало. Сколько раз Борис слышал за эти два месяца: «если бы не мобилизация, мы бы не решились»? Издёвка судьбы, когда лишь потрясение сподвигает людей на кардинальные перемены.

Втайне Борис и такие как он надеялись, что скоро вернутся домой. Быть может, перед ними предстанет та же картина, что и до февраля — их встретят те же бары, те же проспекты, те же любимые укромные уголки, но будут ли они сами теми же, что и раньше? Сможет ли он осесть на привычной земле — или тяга к скитаниям, вскормленная переломом, не даст больше насладиться спокойствием?

Борис не исключал, что достаточно быстро его потянет к новым приключениям. В конце концов, народ глупый-глупый, а не дурак. Недаром именно в народной среде родилось выражение «клин клином вышибают».

XII

Борис прибыл в Тбилиси четвёртый раз в своей жизни. Столица Грузии всегда казалась ему скучной. Тбилиси не мог конкурировать с Казбеги, Рачей, Сванетией или Гудаури. Горы, воздух, хвойные и лиственные леса, бурлящие реки, водопады — вряд ли проспект Чавчавадзе или площадь Свободы способны были конкурировать с природой. Однако Борис, лишённый культурной жизни долгих два месяца, всё же поплыл. Арендованная студия располагалась неподалёку от моста поэта Николоса Бараташвили, чьи стихотворения Борис принялся читать в интернете. «В Грузии поэтов больше, чем грузин» — сказал ему один из лояльных

русским таксистов, и в чём-то он был прав. Помимо витязей в тигровых шкурах, Бориса окружали Абашели, Абашидзе, Важа Пшавела, Орбелиани, Табидзе, Каландадзе, Думбадзе и представленный на каждом книжном развале Гамсахурдия. Борис чуть ли не через день ходил пешком к метро Марджанишвили, бродил вдоль книжных точек, рассматривал мало кому нужные советские издания. Пару раз он даже заглянул к букинистам. В одном промёрзшем подвальчике Борис купил у горбатой и непрестанно курящей хозяйки переводы грузинских поэтов Пастернака, «Лекции о Прусте» Мамардашвили и советский плакат «К 2000 году без ядерного оружия».

Путин готовит массивную ядерную ракету «Ярс» способную нанести удар по США и Великобритании, — New York Post

Ожидая приезда Гоши, он всеми вечерами пытался написать что-то новое, но вместо прозы из него лезли посредственные стихи.

Неудивительно, ведь он, как и многие, начинал с поэзии. К счастью, Борис вовремя понял, что даже при непомерных усилиях ему не вырасти выше посредственного поэта. Он забросил стихотворения и принялся за прозу — правда, тоже не питал на свой счёт особых иллюзий. Но с недавних пор жизнь не спрашивала Бориса, как поступить. Совершенно случайно он наткнулся на видео молодого и популярного священника Петре Колхи, который снимал первый снегопад на камеру старенького телефона и читал вслух стихотворение Резо Амашукели «Одиночество».

იმ ღამეს თოვდა, თოვდა და თოვდა...

და შებ გეძინა სიცივით დაღლილს,

გარშემო ცივი სინათლე კრთოდა

და ივსებოდა სიჩუმით სახლი.

ვხედავდი ჩემს ლანდს საწლოთან დახრილს

და ჩრდილი დახრილ კედელზე თრთოდა,

შებ კი გეძინა ყველაფრით დაღლილს,

გარეთ კი თოვდა, თოვდა და თოვდა.

და შენი ტანი გრძელი და თხელი
მკვეთრი ხაზებით მოჩანდა ბნელში,
და შენი ხელი, გამხდარი ხელი,
მკვდარი ჩიტივით მეჭირა ხელში.
გარეთ კი თოვდა, თოვდა და თოვდა...

Борис не понял слов, но был покорён фонетикой. Его тут же настигло размытое воспоминание: в каком-то телеграм-канале он вычитал, как какой-то преподаватель заставлял каких-то студентов смотреть какие-то фильмы на языке оригинала без субтитров. Кажется, для того, чтобы ученики наощупь погружались в чужой язык и культуру, добирались до фундамента, познавали истинную суть конфликта.

Той же ночью Борис посмотрел «Любовное настроение» Вонга Карвая без перевода. Подобный подход подкупил его полным отсутствием автоматизма. Шкловский был бы доволен. Органы чувств, лишённые привычной манеры воспринимать искусство, хватались за визуальные образы, мимику, интонации. Фокусы сместились. Контраста ради Борис тут же пересмотрел фильм ещё и с субтитрами (роскошь во времена, когда современному человеку хронически не хватает времени, но роскошь оправданная) – и понял, что давно не получал столь объёмных впечатлений.

Борис написал коллеге-грузину и попросил дословно перевести ему «Одиночество» Амашукели. Следующим вечером у него был подстрочник. И видео с авторским прочтением. Интуиция обострилась до предела.

Откинувшись на стул в изнеможении после пары часов упорной работы, Борис представил: если бы в одну из ночей ему явился ангел и предложил даровать талант к чему-либо, он бы долго выбирал между умением играть на музыкальных инструментах и склонностью к изучению иностранных языков. Знание французского, немецкого, испанского перевернули бы его читательскую жизнь с ног на голову. Да и письмо разнообразили бы кардинально...

С другой стороны, не зная того же грузинского и опираясь лишь на интуицию, Борис вступал в крайне заманчивую игру. Что могло быть приятнее вербализации собственных чувств, когда над головой мерцала лампа, за окном застыла улица Нино Чхеидзе, рабочий день начинался всего через несколько часов, но Бориса в этом мире не существовало. Он стоял над силуэтом спящей девушки – её рука была недвижима, на улице сыпал снег, и тени плясали по комнате где-то неподалёку от застывающей от холода Мтквари.

Резо Амашукели, «Одиночество».

Вольный перевод Бориса Забелина

Той ночью падал снег, снег падал, падал,

А ты спала – замёрзла и устала,

И тусклый свет дрожал, будто лампада,

Заполнив тишиной пространство зала.

И тень моя, склонившись к изголовью,

Рождала три настенных силуэта,

А ты спала, убитая любовью,

И падал снег, снег падал до рассвета.

Ладонь твою с прозрачной, бледной кожей,

К судьбе внезапно впавшую в немилость,

Рукою грубой я сжимал до дрожи,

Как птицу, сердце чьё уже не билось.

Той ночью падал снег, снег падал, падал.

...

Борис подписался на русскоязычные паблики Тбилиси и поражался, сколько мероприятий проводилось каждую неделю. Поэтические чтения,

встречи с писателями, кинопоказы, фестивали... С февраля в столице Грузии русские понаоткрывали целые культурные пространства. Достаточно быстро Борис узнал и про независимый книжный магазин Itaka, торгующий книгами из России. «Итака» располагалась на втором этаже старого тифлисского особняка, где занимала три комнаты. Конечно, ассортимент в магазине нельзя было сравнить со «Все свободны» или «Фаланстером», да и стоили книги немало, однако, Борис не удержался, купил эссе Петера Хандке, недавно изданный сборник сказок Шергина и новую книгу Алексея Полярикова. Уже расплатившись, на выходе он наткнулся на большой плакат «Support AZOV!» – руки дрогнули и он чуть не выронил книги из рук. Борис выскочил из магазина и больше никогда в него не приходил. Мысль о вольфсангеле в магазине, открытом евреем из Москвы, сводила его с ума. Топая домой и удерживая обжигающие руки книги, Борис долго рассуждал о комплексе вины и умельте, в который эта вина загоняет беглецов из России. Отрицание одного зла не означало необходимости бросаться в объятия другого – Борису было дико от осознания того, что многие из «уехавших» этого не понимали. Всю дорогу Борис пытался оправдать владельцев «Итаки», но так и не смог, признав очевидный для него вывод: некоторые люди за эти полгода просто ёбнулись от стресса, ничего не поделаешь.

Посещение «Итаки» в каком-то смысле стало переломным моментом. Борис стряхнул с себя пленительный образ литературной Грузии. Вдруг оказалось, что улицы в центре пестрят политическими лозунгами, большинство из которых сводились к сообщениям в стиле «Russians, you're not welcome here, good or bad», «Русские пиZдуйте домой», «Русский значит оккупант!» и прочим не самым приятным заявлениям. Встречались и призывы поддерживать ВСУ – впрочем, на стене покосившегося от времени дома они смотрелись даже ограничнее, нежели в книжном магазине с претензией на интеллектуальность.

Количество украинских флагов на улице зашкаливало, что тоже разжигало в Борисе непомерное чувство вины. Последнее время он напоминал себе неопытного канатоходца, пытающегося устоять на одной ноге – любая новость, любое напоминание выводили его из равновесия. Борис написал психотерапевту (то есть, психотерпевтке) и возобновил занятия. Нужно, конечно, было сделать это куда раньше, ещё до развода.

Увы, во времена, когда тексты вырастали исключительно из страданий, Борису казалось, что психотерапия лишит его возможности писать – жизнь, избавленная от острых драм, представлялась ему степью из выжженных переживаний. Год спустя Борис понял, что психотерапия скорее шла писателю на пользу – решённые проблемы можно было рассматривать издалека, видя их во всей полноте, он не ослеплялся ими, не пугался, прожитые кошмары превращались в материал для препарирования, не более. Но сами взаимоотношения психотерапии и творчества до сих пор представлялись Борису крайне сложными. Достаточно было посмотреть на толщу рассказов XIX-го века, чтобы понять – многих из них не существовало бы, имей авторы возможность изливать наболевшее иным способом.

Вандалы осквернили памятник классику русской литературы Александру Пушкину в Полтаве, власти города заявили, что надписи на памятнике смоют. – Brief

Менялись не только писатели, но и читатели. Проводя очередной одинокий вечер в студии, Борис наконец закончил «Музей невинности» Орхана Памука и листал отзывы пользователей Букмейта. Среди восторженных речей и жалоб на скуку ему повстречалось весьма раздражающее сообщение: «На уровне сюжета книга – пособие по сталкингу и невротическим отношениям, приправленное кондовыми патриархальными заморочками». Его, безусловного поклонника творчества Памука, не столько взбесил этот отзыв, сколько насторожил – взгляд на искусство через призму психотерапии показался зародышем новой формы душевной цензуры, не менее рискованной, чем истеричные попытки закатать книги неугодных авторов в плёнку и убрать их с полок сетевых магазинов.

Явление нередкое. Кто-то прогонял произведения через призму политических взглядов, кто-то через собственные моральные установки – подобный подход рождал свежие, незамыленные ракурсы, но вместе с тем рос риск однобокого восприятия произведения. И люди, и книги, по убеждению Бориса, беднели от жёстких рамок.

Эту грань Борису ещё предстояло нащупать. Даже публикуя свои скромные заметки в телеграмме, он нет-нет да представлял себе адвоката

терапии, качающего головой: «ага, а вот и детская травма; а это переживание можно исправить таким-то методом; а вот это лучше бы рассказать на очередном сеансе»... Избитое клише «инженеры человеческих душ» никуда не пропало, лишь перетекло из литературы в психотерапию. Борис был уверен, что в ближайшее время разгорятся дискуссии о допустимости сюжетов и моральной ответственности автора за собственных героев и читателей.

Борис держал в уме, что протагонист тоже должен быть противоречивым. Задумчиво клацая по пробелу, он блуждал по закоулкам памяти, выуживая оттуда редкие сцены счастья. Получалось, что главной заслугой отца по итогу стал совместный поход на стадион «Текстильщик» в 2002-м году, на кубковую игру с клубом «Динамо» из города Петушки. Борис тогда впервые увидел футбол вживую.

Написать об этом Борис не смог — время разъело воспоминание до бензинового пятна. Борис даже не вспомнил счёт.

Кажется, «Текстильщик» тогда победил.

XIII

Гоша прилетел в Тбилиси на следующий день. Ежедневно наблюдая за утекающими со счёта накоплениями, Гоша решил максимально сэкономить, прибив возражения Бориса фразой «у меня две девчонки в Турции живут, знаешь, во сколько это обходится?». Семейный бюджет — дело святое, так что Борис без лишних возражений поселился с Гошей в двухкомнатный пристрой, напоминавший собой то ли замок вампира, то ли трапезную из «Игры престолов» с Алиэкспресса. Помимо обилия странной утвари общая зона отличалась полностью витражной стеной, от чего температура внутри была выше уличной всего на пару градусов, и наличием кальянной с телевизором и кучей подушек.

Замерзая вечерами на кухне, Борис с Гошей согревались чачей. Борис безвольно наблюдал, как погружается в очередной алкогольный кульбит. Напившись чачи, они сидели в кальянной, смотрели фильмы Уэса Андерсона и обжирались джанк-фудом. Красивые кадры успокаивали их

до тех пор, пока друзья не заметили, что герои фильма «Водная жизнь» одеты в [синие свитера с большой буквой Z на груди](#). От джанк-фуда болел желудок, от чачи — голова. Борис боялся, что соседи нажалуются хозяйке на гостей-алкоголиков. Ничего противозаконного они не совершили, однако, наживать лишних проблем не хотелось.

Впрочем, Борис зря переживал насчёт соседей. В квартире напротив жила Марина, которая всеми днями возилась с внуками, а вечерами курила на кухне и вязала под бунчание телевизора. Марина мечтала сдать кому-нибудь из них студию на втором этаже за \$500 в месяц, поэтому частенько выходила пообщаться и спросить, не мешает ли Борису с Гошой собака Бинго, всеми ночами лаявшая на котов. Повлиять на пса, правда, она всё равно не могла. Да и наверняка не собиралась.

Как-то раз Марина сварила борщ и угощала им весь двор. Со второго этажа спустился мужик с залысиной, длинными волосами на висках, в роговых очках и дырявом свитере — так они познакомились с Толиком, учёным-лингвистом, который знал около двадцати языков.

Позже Борис заподозрил, что у Толика есть жена, потому что каждое утро из дома уходила женщина в монашеской одежде с закрытым лицом. Он здоровался с ней по-грузински, она испуганно отвечала. Каково же было борисово удивление, когда через несколько дней он столкнулся с этой женщиной у калитки и... узнал за накидкой Толика. Сосед понял, что его раскрыли и быстро убежал к себе наверх.

В тот же вечер Борис с Гошой заключили, что Толик сумасшедший. Вечерами сверху доносились колыбельные, хотя никаких детей во дворике они не заметили.

На следующий день во время обеда кто-то постучался в окно. Друзья, естественно, решили не реагировать. Постучались ещё дважды, с каждым разом всё настойчивее. Пришлоось идти открывать. У карниза стояла женщина, будто пережившая взрыв динамита в диснеевском мультике — с волосами дыбом и скошенными к переносице глазами.

— Здравствуйте! Марико тут? — спросила женщина.

Борис ответил, что Марико тут нет, есть только он и Гоша.

— Марико живёт здесь? — уточнил Борис, понимая, что мог не знать всех обитателей двора.

— Да, на втором этаже! Хотела сказать ей кое-что важное...

— Могу пустить вас во двор, поднимитесь, передадите.

— Да не надо, я и сама могу зайти! Спасибо! — ответила женщина и показала ему ключи от калитки.

Борис изумился, но решил не задавать лишних вопросов.

Вечером того же дня Марина попросила его помочь Марико снять застрявшее полотенце с протянутой над двором сушилки. Борис поднялся на второй этаж и увидел женщину со всклокоченными волосами. Ту самую, что стучалась днём в окно.

Марико оказалась тёщей Толика, они жили вместе. Как Гоше удалось узнать позже у Марины, жена Толика умерла несколько лет назад. Порассуждав, друзья предположили, что от пережитого горя у Толика с Марико свистнул чайник: один носил одежду жены, вторая передавала сама себе важные новости.

Борис уже было задумался сделать соседей персонажами какого-нибудь рассказа. Заодно преодолел бы прозаическое онемение... Но жизнь превзошла любые догадки — в момент непрошенного откровения Марина рассказала, что Толик не сумасшедший. Просто он не хотел работать. Как-то раз Толик решил заняться попрошайничеством, но в первый же день получил на площади пизды от других нищих. И тогда в голову Толику пришла гениальная идея переодеваться в женщину. Так и подают больше, и бить не станут.

Никаких бед с башкой, чистый расчёт.

Вскоре Борису показалось, что Толик за ним следит. Когда Борис выходил покурить, чёрное одеяние мелькало за перилами лестницы и скрывалось где-то на втором этаже. Возможно Толик хотел убрать лишнего свидетеля. В то, что Толик нормален, Борис не верил. Нормальные люди не были похожи на главного героя фильма «Пыль».

Борис стал проверять перед сном, закрыта ли входная дверь.

— Ты знаешь, что Толик — грек? — спросил Гоша как-то за обедом.

— А я что, перс? Он натурально пасёт меня, Гош.

— Про грека мне Марина сказала. И Марико тоже гречанка. Они тут давно живут, уже три, чтоли, поколения.

— Мне от этого не легче.

— Ну, мне тоже не по себе. Я вчера вечером вышел во двор подышать, а мимо пиздохает Толик в своей чёрной мантии и несёт в руках толстую бельевую верёвку. Я нет-нет, да подумал: вот возьмёт сейчас и удавит.

— А он чё?

— Ничё. Растиянул её вон на втором этаже и бельё теперь сушит.

Спустя неделю Борис встретил Толика с очередной бельевой верёвкой в руках.

— Зачем ему ещё одна верёвка? Он что, весь район обстирывает?
Посмотрел на меня — и узелок завязал.

— Да не переживай ты так... — ответил Гоша, прихлёбывая чай.

— А вдруг они думают нас в рабство взять? Свяжут и утащат к себе на второй этаж.

— И чего они с нами будут делать? Стирать заставят? — поёрничал Гоша.

Борис раздражённо пожал плечами.

— Был я у них в квартире вчера. — продолжил Гоша — Просили лампочку помочь вкрутить. Там довольно чисто, кстати, хоть и странно. Веретено стоит дореволюционное. Я даже подумал выкупить его, отреставрировать, превратить в предмет интерьера, да Марико что-то разволновалась, наотрез отказалась продавать. Говорит, память. То ли мамина вещь, то ли бабушкина. И картина у них ещё странная висит над этим веретеном.

— Что за картина?

— Не знаю. Я ж не Шазам для живописи. Ну я сфоткал, пока Марико за лампочкой ходила.

Борис бросился к смартфону Гоши.

— Ну-ка покажи! Сейчас определим.

Борис сделал скриншот и полез в поиск по картинкам Яндекса.

— Карл Вильгельм фон Гайдек. «Контрабандисты у коринфского храма». Ну да. Они ж греки. Ничего странного.

И всё же Толик ходил за Борисом по пятам. Точнее, его будто бы преследовала тень Толика. Она пряталась во дворах и арках, за многочисленными выступами, поворотами, деревьями в парке. Борис тут же бросил пить, хотя бы на неделю. Толик не пропадал. Иногда он мелькал в витринах грузинских ресторанов, где Борис поглощал ненадоедающие хинкали. Иногда Борис замечал его проходящим мимо экспатских баров, до предела набитых русскими беглецами.

Ещё до отъезда Борис читал самиздатовский роман какого-то молодого писателя, где за менеджером следили люди из потустороннего мира. Похоже, мозг начал путать вымысел с реальностью и выдавал ему сюжеты прочитанных книг.

Бориса испугал не сам факт галлюцинаций (чего-то подобного он ожидал достаточно давно; всё-таки, кухня не железная, должна была рано или поздно треснуть), сколько дальнейшие перспективы жизни в подобном состоянии. Усугубилась ситуация, Борису пришлось бы идти к психиатру. Точнее, сначала ему нужно было отыскать русскоязычного психиатра, записаться к нему на приём, подождать несколько недель в очереди, затем получить рецепт на медикаменты. Приём антидепрессантов или ещё какой-нибудь фармы изменил бы его поведение и моральное состояние — Борис рисковал очнуться где-нибудь в Mutant Radio, с пирсингом в носу и глупыми татуировками, с телефоном в руках и очередным белопалтошным твиттер-срачом на экране. Борис, конечно же, знал кучу мемов про Тбилиси: и про «Веган-кафе Фрик», и про грузинского массажиста, и про квир-комунну. Вот уже несколько недель ему удавалось избегать этого мира, формировать собственный Тбилиси,

но поехавшая кукуха была вполне способна спихнуть его в либерально-буржуазное болото «хороших русских».

— Слушай, ну сколько попрошаек в такой одежде на улицах Тбилиси? — успокаивал его Гоша. — Ты просто загнался. Ну похожи они, ну прошли мимо. Ты вот что. Выди прямо сейчас из дома и шагай наобум. И посмотри, идёт ли он за тобой. Потому что десять минут назад я видел, как Толик поднимался к себе. Ты уйдёшь, а я его задержу какими-нибудь тупыми вопросами. Дорогу перегорожу. Ну или ещё как. Ты понял, короче.

— Да ты не представляешь. Я уже был в Ваке, Сабуртало, затем двинулся дальше, через Исани — в Вакретили, по ошибке забрёл там в мутный микрорайон. Зловещее местечко, скажу я тебе. Все в чёрном, смотрят на меня пристально... Вот в том районе Толик сразу куда-то подевался.

— Ну психосоматика же чистой воды. А ты чего?

— А я такси вызвал. Приехал ещё такой мужик... Знаешь... Всю дорогу мне говорил: «Ты молодец! Ты не хочешь убивать! А Путина я рот ебал!»

— Посмотрел бы я, как он скажет это ему это в лицо... — хмыкнул Гоша. — Ну так что? Идёшь или нет? Давай локацию выберем тебе случайную. Вот, смотри, тыкаю в любой дом на том берегу.

Выбор пал на ресторан-подвальчик у метро Марджанишвили.

Подвальчик оформили в классическом стиле, без экспериментов: покатые кирпичные стены, тусклое освещение, деревянные столы с лавками. Борис долетел до него за двадцать минут. Посетителей было немного. За дальним столиком сидел писатель Антон Секисов. Борис узнал его, так как был подписан на телеграм-канал «Секир завидует» и видел там фотографии. Секисов был не один — напротив него сидел какой-то парень. Оба были одеты в чёрное. Им принесли харчо и две рюмки с чачей. Борис сел достаточно удачно — он мог посматривать на Секисова, не привлекая внимания. Парни выпили по половинке чачи, после чего принялись за суп. Спустя несколько минут официант поставил перед ними тарелку с хинкали. «Обожрутся» — вынес вердикт Борис — «Странно, вроде бы, Секисов приехал в Тбилиси раньше меня, а порции выбирать так и не научился». Сам Борис, чуть не лопнув в первые дни,

выработал привычку заказывать по одному блюду. Никогда не знаешь, сколько харcho тебе нальют в тарелку...

Он заказал хачапури по-мегрельски и бокал компота. Аджарское яйцо, плавающее в сыре и масле, уже казалось ему туристическим блюдом.

Вообще, Борис ожидал, что знакомые люди будут попадаться ему на глаза гораздо чаще. Кто только не сбежал в Тбилиси за эти полгода! Однако, Секисов был первым, кого Борис повстречал.

Парни заказали ещё по одной чаче. Борис не выдержал, тоже махнул рюмочку. Секисов с парнем что-то обсуждали, но до Бориса не доносилось ни фразы. Спустя несколько минут знакомый Секисова пошёл в туалет. Борис бросил на него деланно скучающий взгляд. Где-то он видел этого типа... Но где, так и не вспомнил.

Когда парни расплатились и засобирались уходить, Борис тоже попросил счёт, выждал пару минут и выбрался на улицу покурить. Секисов дождался такси и куда-то укатил. «Наверное, поехал гулять по кладбищам» – подумал Борис с улыбкой. Знакомый Секисова почапал примерно по тому же пути, что и Борис часом ранее. Знакомый слушал музыку и не оборачивался, так что Борис достаточно быстро перестал прятаться, просто держал дистанцию. Знакомый дошёл до студии на улице Нино Чхеидзе, открыл дверь и скрылся внутри. Борис присвистнул. Надо же, вот это совпадение! Ведь именно здесь Борис провёл свои первые тбилисские дни.

Хотя чего удивительного? Студия у моста Бараташвили была одним из редких недорогих вариантов на AirBnb, хозяин носил звание «суперхоста», да ещё и позволял отменять бронь без штрафа. Лакомый кусочек... Не согласись Борис пожить немного с Гошой, так и остался бы в этой студии.

«Что бы ты тогда делал, Знакомый? А?» – ехидно вопрошал Борис, возвращаясь домой.

Впервые за несколько дней его никто не преследовал. Потому что он сам стал преследователем.

Теперь Борис ежедневно ходил мимо студии и заглядывал в окошко. Иногда внутри горел свет – так Борис понимал, что Знакомый сидит дома. Тогда он занимал наблюдательную позицию у отеля неподалёку и ждал десять-пятнадцать минут, испытывая судьбу. Достаточно быстро ему становилось скучно. Улицу Нино Чхеидзе нельзя было назвать оживлённой, она, скорее, напоминала неприлично растянувшийся проулок. На домах до сих пор висели русские вывески – вот настолько город позабыл про эту улицу. Вокруг ничего не происходило.

Иногда Борис поднимал взгляд на телебашню, которая торчала прямо напротив входа в студию, и она напоминала ему о Петроградке. Аптекарский остров тоже венчала телебашня.

Отражение в луже. Ночной пост №7

Отчего-то в городах меня постоянно преследуют телебашни. В Петербурге я почти пять лет прожил у её подножия. В Берлине я наблюдал её из окна. В Тбилиси, сняв квартиру на Airbnb, я вышел ко двору покурить и... естественно, увидел уже знакомую мне конструкцию – прямо напротив двери. Да, телебашня в Тбилиси расположена на горе и поэтому много откуда видна. Но всё же...

Конечно, телебашни безумно красивы. Особенно, если их подсвечивают. Есть в них что-то инопланетное и магическое. А ещё зимой они напоминают огромные ёлки.

С другой стороны, телебашни – самые настоящие шприцы с ядом. Это они поставляют на экраны муть, выедающую мозг наиболее доверчивым соотечественникам. Да и зарубежом, уверен, ситуация не лучше. За обворожительным фасадом кроется змеиная сущность – классический образ, многовековой, неизменный.

Можно оправдывать телебашни, называя их исключительно инструментом. Контент ведь производит не стальной шпиль, контент производят люди. С помощью телебашни можно распылять пропаганду, а можно замерять погоду. Но если снова отбросить сухую рациональность и окунуться в неизведенное, кто готов поручиться, что десятилетия лжи, аккумулированные и рассеянные по городу телебашнями, не пропитали

её чёрной злобой? Идёшь рядом – телебашня гудит. Физики, электрики без проблем объяснят нам, почему мы слышим гул. Но только ли поэтому?

Рано или поздно технологии сделают телебашни ненужными. Цифровое телевидение уже изобрели, мобильный сигнал будут раздавать спутники или воздушные шары – не знаю, я не специалист, но общий вектор нам известен. Как тогда мы поступим с телебашнями: забросим их, не желая забывать токсичность или не побоимся проклятия, превратим в памятники архитектуры?

Говорят, что в петроградской телебашне (которая, кстати, была спроектирована по образу Эйфелевой, а произведена в Днепропетровске) во времена СССР работал ресторан. Парни водили туда девушек делать предложение. Чем не вариант? Небольшой зал для бракосочетаний со смотровой площадкой.

Каждый счастливый момент по капле будет разъедать тёмную толщу пропагандистского механизма. А по ночам сделаем телебашне фиолетовую неоновую подсветку. Во-первых, смотрится круто. Во-вторых, по окружающим дворам разольётся мягкий неоновый свет – он будет отражаться в лужах и на мокром асфальте, покорять инстаграм. Или что там станет модным в будущем? В-третьих, фиолетовый неон за счёт символизма породит кучу мемов – примерно так же, как сейчас любое светящееся фиолетовое окно становится поводом для шуточек.

Вряд ли мир станет добре и справедливее, но хотя бы кусочек красоты мы у него отвоюем. А там, глядишь, и другие башни подтянутся.

...

Гоша сказал, что Толик никуда не выходил целый день, так что следить за Борисом он не мог. Борис перестал делиться с Гошей своими тревогами, хотя тень Толика объявилась снова. Сначала он обнаружил её в Ваке парке, где она пряталась за кустарником. Неудивительно – Ваке парк вообще был пронизан мистикой и трагедией. Недавно один из поющих фонтанов убил здесь током маленькую девочку. Коррупция, нерадивые подрядчики... В Парке Роз преследователь укрылся за ретро-автомобилем, установленным для фотосессий молодожёнов. Пытаясь

рассмотреть лицо или хотя бы подробные детали тени, Борис споткнулся о протянутую вдоль дорожки верёвку и рухнул на голую клумбу. Ему показалось, что тень в этот момент захихикала.

Борис принял с удвоенной силой исследовать парки, прячась в них от раздражения — в моменты отчаяния всегда обращаешь свой взор к природе. Борису давно уже казалось, что красивый закат или пёстрое цветение лечат душу, убеждают тебя, что одновременно с творящейся вокруг чернотой существует прекрасное. Вот же оно, прямо за окном, пережившее десятки империй и толпы диктаторов, в любое время готовое утешать древних греков и османов, конголезцев и северян. Сменяют друг друга режимы и государства, умирают цивилизации, а гора остаётся горой. Абсолютная сила, измеряемая чуть ли не вечностью.

Но одновременно с тем природа была то ли крайне расчётлива, то ли предельно равнодушна. Природа вполне была готова предпочесть алкаша с крепкими генами чахоточному гению-поэту. В условиях дикой природы хищники пожирали млекопитающих, доминировали друг над другом, природе были неведомы понятия справедливости или эмпатии, она представлялась Борису механизмом, безэмоциональным и беспощадным. Природа была одинаково красива при любых обстоятельствах: когда под сакурой выпускали кишки старику или насиловали рыдающую девушку, цветы не вяли, дерево не склоняло головы — оно было прекрасно, даже если капли крови оседали на его цветках.

Бродя туда-сюда по респектабельному проспекту Чавчавадзе, Борис размышлял: города, закованные в асфальт — не попытка ли это обуздать природу, подчинить её своей воле? Люди как бы говорили: «Ты будешь вести меня туда, куда я хочу, будешь светиться теми цветами, которыми я сказал, будешь расти там, где я решил, и умирать там, где мне не пригодишься».

В победу человека Борис не верил. Природа была мощнее и безжалостнее. Так что оставалось утешаться мелочами, не причиняющими вреда — смотреть, как солнце заливает медью горизонт и чувствовать, что на мгновение становится легче.

Вскоре он обошёл все парки, включая «London Park», где, конечно же, не повстречал ничего лондонского. Гоша посоветовал Борису посмотреть на Тбилисское море или озеро Лиси. Борис проверил, что до Лиси можно дойти пешком от района Сабуртало — и выделил для посещения субботний день.

Тем же вечером он заподозрил, что Знакомый тоже писал прозу. Секисов упомянул их совместный обед в одном из постов. Погуглив, Борис рассмеялся. Упомянутый парень был автором прочитанного им недавно триллера про слежку за айти-менеджером. Борис решил во что бы то ни стало отыскать Знакомого в городе, последить за ним ещё пару дней. Быть может, даже напугать, прикинувшись одним из героев его рукописи.

«Вот он обосрётся...» — ёрничал Борис.

Днём субботы он напялил на себя всё, что у него было: подштанники, штаны, две пары носков, майку, толстовку, пуховик Uniqlo, захватил даже шапку, хотя декабрьская погода в Тбилиси смахивала на позднюю петербургскую весну. Путь предстоял неблизкий. И не самый приятный. От Ваке до Сабуртало Борис шёл вдоль оживлённой трассы. Он выбрал не ту сторону — пришлось перепрыгивать через эстакаду и нестись на противоположную сторону, словно заяц, выскочивший из леса. Попетляв по навигатору между сабуртальскими панельками, Борис оказался на серпантине, где не существовало даже тропинки для пешеходов. Мимо со свистом проносились автомобили, некоторые из них раздражённо гудели, и Борис быстро проклял задумку добраться до озера пешком — дурак, мог был вызвать такси и доехать до места за пятнадцать минут. Заодно оторвался бы от тени, которая волочилась следом под мостами, шуршала высохшим сорняком на заброшенных полянах, пряталась за бензоколонки на заправках.

Борис решил не идти пешком обратно. Озеро немного рассеяло разочарование: грузины привели территорию в порядок, позаботились о пешеходных и велосипедных дорожках. Борис сходил в туалет и даже посидел на веранде одной из кафешек, выпил плохой капучино. Он быстро замёрз и отправился гулять вокруг озера. Дойдя примерно до середины, Борис замер — судьба наконец-то преподнесла ему подарок. У

памятника велосипеду стояли Секисов и Знакомый. Секисов держал в руках бутылку коньяка. «Опять бухают...» — осуждающе подумал Борис и тут же поймал себя на мысли, что завидует. Гоша в последнее время много работал. Пить Борису было не с кем.

Секисов со Знакомым выглядели комично. Их угораздило одеться одинаково: оба опять выбрали чёрные куртки, чёрные карго-штаны и белые сникеры, оба напялили солнцезащитные очки. Униформа литературных пораженцев... Когда к ним подбежала собака и принялась что есть дури наматывать круги вокруг, Борис улыбнулся. Собака очень на них походила. Её чёрная шерсть, ровно как и волосы Секисова со Знакомым, была покрыта редкой сединой.

— Джанго! — крикнул кто-то неподалёку.

Борис заметил девушку. Она тоже выбрала чёрный плащ и солнцезащитные очки, но всё же выглядела иначе. «Трое в лодке, не считая собаки» — подумалось Борису.

Естественно, он пошёл за ними следом. Компания не спешила. Девушка пару раз остановилась, сфотографировала озеро и пасшихся у берега коров. Джанго без остановки носился вдоль озера, периодически забегая на холм напротив. Бориса это раздражало — собаку теряли из вида, девушка, а временами и Секисов крутили головой, сворачивали с маршрута. Они вполне могли заметить слежку, но, к счастью, не заметили. Видимо, увлеклись созерцанием природы.

Неподалёку от кафе Секисов убрал бутылку коньяка за пазуху. Они со Знакомым не выпили и половины. Из вида скрылись все, кроме Знакомого. Он остался курить в одиночестве, встал поближе к озеру и держал сигарету на уровне груди, словно франт. При этом весь его внешний вид говорил о том, что Знакомый подражал стилю рабочего класса. Синий харрингтон, толстовка Carhartt, Harvest... Бориса перекосило.

Отмеряя шагами путь, он приблизился к Знакомому и пихнул его ладонью в плечо.

— Чего там, всё занято? — не глядя, спросил Знакомый, но всё же обернулся и застыл.

...

— Sorry, do we know each other? — пробормотал он и, считав что-то на лице Бориса, повторил уже по-русски — Мы знакомы?

— Какой вежливый! А по внешнему виду и не скажешь. На рабочего похож! Шучу, не похож. Пыжишься, но не выходит.

По лицу Знакомого пробежала тень.

— Ты кто такой?

— Читатель твой. Возможно, единственный. Так себе вышел романчик. Ни рыба ни мясо.

Знакомый коротко затянулся, не зная, что ответить.

— Ты попытался смешать жанровую прозу с интеллектуальной, но в итоге у тебя не получилось ни первого, ни второго. Пожалуй, тебе не помешали бы курсы CWS.

— Держи меня в курсе.

Борис толкнул его в грудь, надеясь, что Знакомый не удержится на ногах и упадёт в озеро. Но тот вовремя отступил правой ногой и устоял, даже не потерял равновесия. Из-под воротника харрингтона выбилась цепочка с продетым в неё кольцом.

— Ой, посмотрите на него, колечко носит! Не крестик! — заорал Борис — Обручальное, что ли? А чего на палец не надеваешь? Скрываешь, что женат?!

Знакомый выставил вперёд левую руку ладонью к Борису.

— Слушай, парень, успокойся, да? Сейчас всем тяжело. Давай поговорим. Можно же всё наладить...

— Да как мы наладим? Что ты здесь наладишь?! Ты за тысячи километров от места, где нужно налаживать!

— Послушай, ты меня не знаешь! — раздражённо бросил Знакомый.

— Да я вижу тебя как облупленного! Строишь из себя... А сам... Такой же ссыкун.

Знакомый разочарованно махнул рукой и собрался уйти. Борис скакнул, чтобы всё-таки столкнуть парня в озеро, но он вовремя сделал странный шаг вправо, одновременно развернувшись на девяносто градусов. Руки Бориса пролетели мимо, он споткнулся о левую ногу Знакомого и тому было достаточно лишь подтолкнуть Бориса в спину, чтобы он упал на колени прямо в озеро.

— Радуйся, баран, что мы не дома... — прошипел Знакомый и потопал в сторону ресторана, где его наверняка ждали Секисов, девушка и седеющий пёс.

— Ты больше ничего не напишешь! Ничего никогда не напишешь! — обернувшись, заорал ему в спину Борис. — Ничего дельного! Так ничего и не получится! И ничего не изменишь! Будешь также смотреть! Молча смотреть! И всё! Как? Как, сука?! Как можно просто уехать и ждать!!! Как можно написать здесь хоть что-то! А?! Я тебя спрашиваю!

Борис почувствовал, как из глаз сами собой брызнули слёзы. Он нагнулся к озеру, набрал в ладони воды и умылся. Борис посмотрелся в отражение, но не увидел его — то слёзы застлали глаза, то ли рябь никак не успокаивалась, щекоча водную гладь.

Отчистить штаны от грязи было нечем. Солнце катилось за холм. Ни один таксист не согласился бы везти Бориса в таком виде. Разве что Шакил, но тот остался в Каше... Борис внутренне собрался, заставил себя произнести «Никакой рефлексии!», и потопал обратно к серпантину.

Домой он вернулся ближе к полуночи, посинев от холода. Грязь на штанах засохла и отваливалась кусками. Борис прошлёпал в ванную, стащил с себя вещи и поставил их стираться на самую короткую программу. Сам же залез в душ и выкрутил ручку горячей воды на максимум. Он стоял под водой до тех пор, пока кожа не приобрела поросячий оттенок.

Гоша ремонтировал на кухне стул. Он молча наблюдал за шатаниями друга по пристрою. Борис зашёл в комнату, выбросил все вещи из шкафа

на кровать, раскрыл стоявший неподалёку чемодан. Достал из куртки загранпаспорт, зачем-то пролистал его, словно убеждаясь, что с документом всё в порядке. В глаза бросилась дата истечения — 02.02.2023.

Три недели.

«Значит, всё правильно» — подумал Борис, отыскал на кровати телефон и полез покупать билет.

Ближайший рейс «Тбилиси — Ереван — Москва» вылетал ранним вечером следующего дня. Борис рухнул на неразложенную кровать и проспал до полудня. Поднявшись с постели, прислушался к себе — желание лететь не пропало. Он позавтракал помидорами, огурцами, хлебом — в общем, тем, что не нужно было готовить.

- Комрад, ты как? — спросил его Гоша, аккуратно снимая шкуркой слой застаревшей краски.
- Паспорт истекает через три недели. Надо ехать, делать новый.
- В Тбилиси есть кабинет при консульстве Швейцарии. Можно и здесь оформить.
- Там очереди огромные. Я читал в чате релокантов. Полгода займёт.
- А в России?
- Месяц-полтора. Может, меньше. Как повезёт.
- Ну как знаешь...

Борис отдал Гоше оставшиеся доллары. Договорились, что тот перечислит ему рубли на российскую карту. Борис не сказал Гоше ничего более, просто крепко обнял его на прощание и похлопал по спине. К счастью, таксист попался неразговорчивый. Борис без лишних вопросов зарегистрировался на рейс, сдал чемодан в багаж, прошёл контроль, съел неразумно дорогой суп и сэндвич в Dunkin Donuts.

Самолёт был полон. Борису досталось место у окна. Компания «FlyArna» придумала хитрый ход: самолёт приземлялся в Ереване на тридцать пять минут, все желающие выходили, а вылетающие из Армении в Россию

занимали освободившиеся места. Борис прождал полчаса, не вставая с места.

Всю дорогу он бесцельно слушал музыку, ни о чём не думал и ни о чём не переживал. Как только самолёт набирал высоту, Борис погружался в дремоту. Возможно, на высоте у него падало давление.

Через три часа капитан объявил о посадке. Уши Бориса заложило. «Глупо будет сейчас разбиться» — мелькнула в голове равнодушная мысль, но тут же растворилась в тумане, который обволакивал самолёт за окном. Шасси ударились о полосу, кто-то вяло похлопал. Борис наклонился к запотевшему иллюминатору, но не увидел ничего, кроме тумана и капель воды на стекле. Он бесцельно всматривался в горизонт до тех пор, пока бортпроводница не тронула его за плечо.

— Все уже вышли. — сказала она — Помочь вам достать ручную кладь?

— Нет, спасибо. — Борис выбрался в проход — Спасибо. Не помогайте. Я сам.

Борис вытащил рюкзак и куртку, тут же натянул её на себя и направился к телескопическому трапу.

— Молодой человек! — окликнула его стюардесса.

Борис обернулся.

— Вы обронили паспорт. Лежит на сиденье.

Стюардесса протянула ему раскрытую красную книжечку. Борис не глядя сунул её в рюкзак.

— Может, это и хорошо. — ответил он вместо благодарности.

— Что хорошо? Что вы чуть не потеряли паспорт? — удивилась стюардесса.

— Что никто нам не поможет. И не надо помогать.

Стюардесса растерянно улыбнулась.

Борис поёжился и скрылся в рукаве.

Каш, Тбилиси, Москва. Осень 2022 – зима 2023.